

НАШИ ДУШИ

Иван Леденцов

Библиотека классической и современной прозы

Иван Леденцов

Наши души

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Леденцов И.

Наши души / И. Леденцов — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2022 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907580-38-1

Когда заканчивается человеческая жизнь? И заканчивается ли она вообще?.. В какие неведомые просторы и вселенные отправляется наша душа после земной жизни и возвращается ли она назад? Способны ли мы обрести в новой жизни тех, кого так любили в прежней?.. Вряд ли найдётся человек, который рано или поздно не задумывается над этими вопросами. Героям книги «Наши Души» волею судьбы приходится не только задуматься над этими вопросами, но и прожить и прочувствовать всю горечь утраты и радость обретения былого счастья... Двоемирие сюжета, которое постоянно перемещает читателя из реальности в глубины подсознания, стирает границы между жизнью и смертью, страница за страницей открывая непостижимые миры и тайны человеческой жизни.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-907580-38-1

© Леденцов И., 2022

© Продюсерский центр ротации и продвижения, 2022

Содержание

От автора	6
Предисловие	8
Спутанность сознания	10
Лес	17
Волк	25
Ручейки всегда выводят к людям	27
За сутки до этих событий	31
Мосты	33
Конфетные фантики	37
Не догонишь никогда! Не догонишь никогда!	44
«Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони...»	46
Много лет назад. В той жизни	49
Верёвка	51
Выход	54
Лодочка	57
Реанимация	59
Мальчик Коля	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Иван Леденцов (в соавторстве с сыном Петром) Наши души

© Иван Леденцов, 2022

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2022

* * *

Эта книга для тех, кто умирает, умер и не умрёт никогда. Для настоящей любви преград не существует: пережить можно всё, даже саму смерть.

Все случайности, происшествия и совпадения с реальными людьми – не случайны, как ничто не может быть случайным во всех известных мне мирах.

Моему самому любимому человеку. Моему Сыну посвящается...

От автора

До...

...А вы помните первую улыбку своего ребёнка? Я помню её до мелочей, до запаха в комнате, до цвета коляски и одеяла... Особенно улыбку первого ребёнка, когда ещё непонятно, что ты ОТЕЦ, да и не очень ясно, что муж; когда ещё не забыты холостяцкие гулянки, когда на вопрос молодой жены: «Куда ты собрался?» – отвечаешь бесхитростно: «В центр», «К Зуму», «Гулять». Наклонившись, смотришь на ребёночка, как всегда: «Агу-агу», – и вдруг Раз – по сердцу горячей волной – вот Она: ПЕРВАЯ УЛЫБКА! И всё. Попал!!! Конечно, и до этого ты любил своего ребёнка, носил его на руках, учился пеленать, кормил и целовал МАШИНАЛЬНО, а тут пошла такая ОТДАЧА, что все бессонные ночи, обоссанные пелёнки и прочие прелести ушли на последний план: вот ОНО – МОЁ! Отдельно живущая часть меня самого! Любит меня и улыбается мне!!! Больше никуда и не надо...

Это не героизм – любить своих детей, скорее это часть твоего ЭГО. Без этого уже не получается есть, пить и жить нормально... Зависимость? Да! Полная, тотальная наркомания! А отдача от улыбок, от «шажков», от вопросов и ответов пошла такая, что на двести процентов покрывает посиделки с друзьями, походы «по бабам» и прочие радости «одиночного плавания».

Я ждал Его всегда, и он пришёл спустя пять с половиной лет после дочки, долгожданный и осознанный Сын – продолжение моего рода, моё Я, моё Всё...

После

Жизнь каждого из нас несколько раз делится на «ДО» и «ПОСЛЕ». Я говорю не о садике, школе, институте или армии, и даже не о детстве, взрослости и старости, когда меняются взгляды, убеждения, стремления и ценности. Вехи, о которых идёт речь, гораздо жёстче, а черта меж ними «очерченнее» – тут простыми слезами не обойтись.

ДО болезни любимого ребёнка ты был другим. После оглашения страшного диагноза, когда твоё изменённое, контуженное и переломанное страшным известием тело начинает заново обрастать мясом, связками, сухожилиями (потому что надо бороться, потому что это ещё не конец, что бы ни говорили врачи), часть тебя прежнего ещё жива. Ты ещё вспоминаешь своё «ДО» и даже иногда смеёшься, правда твой смех воспринимается собственным ухом как-то глупо и неестественно. А вот следующее «ПОСЛЕ», следующее после жизни твоего ребёнка, когда бороться уже не за что и не с кем – именно это последнее «ПОСЛЕ» самое страшное своей необратимостью. Ориентиры потеряны, цели больше нет, и после него уже ничего нет. Как будто из тебя вытащили стержень, и ты оказался студенистой массой, дрейфующей по течению жизни. Иногда эта медуза заглатывает что-то, случайно запутавшееся у неё в ногах, и, не замечая вкуса, продолжает своё движение. Движение, которое уже не называется словом жизнь. Оглушённые горем, мы просто донашиваем своё тело в надежде случайно забыть его где-нибудь в метро, на остановке, у старой скамейки в парке, где были так счастливы недавно (или давно, уже и не вспомнить), играя со своим счастливым ребёнком.

Ты несёшь своё бесхребетное тело в людском потоке, поглощённый одним желанием – хоть бы его у тебя побыстрее украли, и тогда ты сможешь быть вместе с тем главным, что, как оказалось, и составляло твою жизнь полностью «ОТ» и «ДО» – слова «ПОСЛЕ», в твоей программе счастливого бытия не было. Беда в том, что тело твоё сильно изношено всепоглощаю-

щим горем и никому не нужно, а скинуть его самому мешают невидимые барьеры, которые красными флажками развешаны над каждым мостом, крышей или дорогой. То, что раньше было Тобой, безвольно плывёт в море таких же беспозвоночных, окружённых своими флажками, и ни одна игла не способна заштопать их дырявые души. Торчащие наружу нитки цепляются за острые камни, распуская её всё больше и больше, но ничто извне уже не сможет причинить нам боль. Боль внутри. Мы сами состоим из боли...

Эта книга предназначена помочь нам, достигшим самого дна горя, найти в себе силы шевелить конечностями, чтобы научиться видеть дальше расставленных маяков. Познать и почувствовать, что жизнь намного длиннее проживаемого ныне отрезка. Что встреча с любимыми неизбежна, как неизбежен первый дождь каждой весной, а зима – это лишь временное явление; что законы любви и законы притяжения, как и времена года, – это одни и те же законы природы, которые не дадут нам выйти на чужой остановке и заблудиться. От элементарной частицы, что меньше атома, до гигантской звезды, от одного человека до целой Вселенной – всё связано невидимыми нитями в единое поле... Мы Будем Вместе!

Предисловие

Весь первый год я искал смерти. Ждал её, звал, манил, грезил ей. В Новый год я сильно напился, но ничто не могло заглушить или притупить страшную боль. Жена и дочка обнимали, гладили меня, пытаюсь успокоить, но я просто выл и хрипел, потом хлопнул дверью, сел в машину и уехал за двор, чтобы по кругу, не останавливаясь, вливать себе в голову Высоцкого:

«Я когда-то умру – мы когда-то всегда умираем,
Как бы так угадать, чтоб не сам – чтобы в спину ножом,
Убиенных щадят, отпевают и балуют Раем,
Не скажу о живых, а покойников мы бережём...»

...Каким-то образом мне удалось вырваться из этого круга и оказаться дома. Помню, что я снова пил и снова выл, заказал Деду Морозу самый желанный подарок – чтобы этот год стал для меня последним – чем чёрт не шутит, мысли материальны. А потом на каком-то этапе меня осенило: я должен написать сценарий к фильму, тем более практически весь сюжет, во всяком случае, весь скелет будущего сценария стоял прямо перед глазами. Я бросился за бумагой и быстро набросал основную линию, героев, завязку и развязку. Меня реально трясло от возбуждения, что такого я нигде и ни у кого ещё не видел, что это будет след, наш общий след с моим любимым сыном, что мне можно ещё немного пожить, чтобы успеть воплотить его в жизнь. Дочка ещё не спала, и я не смог не поделиться с ней замыслом: «Саша, это круто! Сценарий возник передо мной почти целиком, и я это сделаю!»

Наутро, или на день, не помню, в общем, когда я проснулся, записок нигде не было, а я не помнил ни одной фразы и ни одной буквы из будущего сценария. Черновик пропал и, где бы я его ни искал, на глаза не попался. После праздников дочка собралась уезжать на учёбу, и я ещё раз попросил её поискать бумаги: «Может быть, я их куда-то к тебе тогда, ночью, убрал?» Никаких следов не обнаружилось. На прощание дочка сказала, что, наверное, меня так «вштырило», что я сам себе всё придумал, и не было никаких записей...

Я попытался жить дальше. Жить – это неверное слово для моего существования, я вынашивал только один план: как поскорее оказаться рядом с сыном, одновременно пытаюсь вспомнить и план сценария. Я был уверен в его существовании.

Прошло около трёх месяцев, когда я затеял ревизию в своей сумке – там всегда скапливалось множество ненужных чеков и другого хлама. Так вот, выгребая всю эту дребедень, я случайно наткнулся на два сложенных листа и сразу понял, что это Оно Самое, но, развернув бумагу, просто обомлел. На одном листе было написано всего два слова – «Наши Души» – и множество волнистых линий, на другом – слов вообще не было, только те же сходящиеся и расходящиеся волнистые линии, полосы и закручивающиеся спирали.

Ещё несколько раз я бережно доставал эти листки, но ничего в них не видел. А потом наступила никчёмная и ненужная дата: мой первый за последние шестнадцать лет день рождения в мире, где не было сына. Конечно, я не отмечал этот день, я просто пил, пытаюсь залить горе, но оно не имело веса и всегда оказывалось сверху. Думая, пережёвывая, в бессчётный раз перетирая безответные вопросы: «За что? Как же так? Почему он, а не я?», – я раскрыл эти листы, и всё стало ясно – я вспомнил! Не знаю и не могу объяснить таинство этого открытия, но я буквально читал эти полосы, линии, закорючки и волны. Возможно, оказавшись в таком же физическом состоянии, как в прошлый раз, на моё подсознание наложилось что-то ещё, но я схватил тетрадь и, опасаясь снова упустить найденное, набросал краткий текст теми привычными знаками, что придумали люди...

...А «просящему даётся» – это точно: раньше я никогда не болел, а тут понеслось... Думал, что не успею. Сценарий писать намного быстрее и проще, но в нём нет жизни, а у нас с сыном она была настоящей, и будет, и есть, насколько реальна любая реальность, или иллюзорна иллюзия – тут как посмотреть. В общем, написание текста держало меня на плаву, как и сны, где мы с Петей проживали свою жизнь дальше. Дед Мороз не справился с заданием – я почувствовал себя лучше и преобразовал недописанный сценарий в полноформатную книгу.

Стилистика... Да, от сценария осталась именно она. Не было бы его, и книга была бы иной, но я не жалею. Теперь многие мысли высказаны через диалоги, и при прочтении они оживают в виде кадров из фильма. Никак не могу определиться с жанром: это, конечно драма, в то же время выживание, реализм, научное фэнтези, может, реалистическая фантастика? Или всё вместе? Может, и так, а возможно, всё намного проще – это наша жизнь. В книге я показал чувства жизни без жизни, чувства отца, оставшегося без самого дорогого, что у него было, – без сына, от и до... и после... А потом ещё «после...», и снова «до». Повествование неровно, как и сам сюжет, который полон взлётов и падений, но, начав царапаться, ты ползёшь выше и выше, упорно цепляясь за новые знания, – оно так и было. Я лечил себя по ходу письма, разгонял, как старую телегу, не готовую к продолжению службы... Надеюсь, что разогнал – последние три четверти читаются легче, но решил всё оставить, как есть, ведь это моя жизнь и НАШИ ДУШИ.

Спутанность сознания

Домашняя обстановка. Ночь, но никто не спит. Квартира до самых краёв залита электричеством. Надрывно пищит прибор, подключённый к побелевшему пальчику обездвиженного ребёнка. Мама поочередно, не останавливаясь ни на секунду, растирает ему ступни, руки, протирает тело полотенцем. Отец делает искусственное дыхание обмякшему сыну, слушает заснувшее сердце и вновь запускает его очередным массажем. Медики третьей за ночь бригады скорой помощи молча стоят рядом...

Улица. Ночь. Сквозь грязные окна реабилитационной машины мелькают огни ночного города. Внутри машины нет ничего. Кислорода нет. Иван продолжает дышать за двоих: рот в рот... рот в рот... Чёрные зрачки сына, став огромными, скрыли всю голубизну его радужки. Ещё выдох... Ещё... Толчок в грудь... Зрачки сузились, расширились и вновь превратились в маленькие, почти невидимые точки.

В больнице их никто не ждал и не встретил. Сквозь спутанное сознание Иван слышал, как работники «скорой» ругаются с медсестрой, которую только что разбудили.

– Вам же звонили, что у ребёнка дыхания нет. Почему ничего не готово?

Тележка с сыном покатила вперёд, преодолевая бесконечные повороты, лифты, узкие коридоры. Иван останавливал носилки, чтобы поделиться с сыном парой вдохов, и толкал её дальше. У дверей реанимации заминка. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох выдох..., одно дыхание на двоих, одна на двоих жизнь. Наконец появилась зевающая во весь рот дама – дежурный врач. Протёрла заспанные глаза, не пожелав закрыть или прикрыть рот рукой:

– Что случилось? – снова протяжный зевок.

Иван быстро рассказывал причину позднего визита, но осекался на каждом втором предложении: дежурная громко зевала – ей не интересно.

Утром врачи отказались делать какие бы то ни было обследования, и начмед приказал радоваться:

– А чего вы хотели? Ему вчера шестнадцать лет исполнилось! В детскую больницу уже нельзя, а по закону (я вам сейчас дам почитать) во взрослую кладут только с восемнадцати! Так что вы радоваться должны, что мы вас взяли!

Радости не было. Утро-ночь, утро-ночь, утро-ночь – дни незаметно сменяют друг друга. Реанимация. Глубокая кома. Родители умело массируют, разминают, протирают, разговаривают с любимым сыном:

– Петруша, сейчас ножки тебе помажем, разотрём хорошенько... Сейчас ручками поработаем. Вот так. Вот так!

Две недели продолжался один бесконечный день, но с первой нотой телефонной трели наступила ночь, и дня больше не было. Новый день закончился не начавшись – закончилось всё, и началась нескончаемая, режущая, стонущая, ломающая боль. Из часа в час, из ночи в ночь, из секунды в секунду – сына больше нет.

Проводы, просмотр видео, фото, слёзы, крик, вой. Сон, бред, полубред – всё перемешалось в хороводе нереальной реальности. Иван мечется в кровати, не имея возможности уснуть, и не в силах проснуться плачет, кричит, зовёт сына...

Утро осветило комнату осторожным лучиком молодого солнца, который щекотал веки, играл с зарёванным лицом Ивана, пока тот не проснулся окончательно. Рядом был Петя. Он оторвался от планшета и удивлённо взглянул на отца:

– Папа, ты плачешь, что ли?

Иван не мог поверить своим глазам, но верил им! Он теребил, мял, обнимал сына и ревел в голос:

– Петька, Петька-сынок! Так значит, всё хорошо получилось? Обошлось?!

В комнату вошла Света:

– Что обошлось? Вы чего такие?

Петя пожал плечами, легонько похлопывая отца по спине:

– Я не знаю. Папа чего-то ревёт.

Света:

– Почему ревёт?

– Не знаю. Я играл спокойно, а он проснулся и ревёт.

Иван глубоко вздохнул, стараясь успокоить дыхание, и вытер слёзы:

– Надо же, хрень какая приснилась! Я во сне даже поверил... так всё реально...

Света присела рядом:

– Расскажи.

Иван вобрал в себя воздух и с шумом высвободил лёгкие:

– Нет, хрень это. Мерзость какая-то. Забудь!

– Ну и ладно, забудем тогда. Будем только хорошие сны помнить! Чем сегодня займётесь, мужики?

– О-о-о! У нас куча дел и ещё больше планов! – Иван сгрёб сына в охапку. – А пока я сожру вот этого маленького козлика!

– Я не маленький! Сейчас я тебе покажу, какой я маленький! – Петя яростно боролся с рукой отца.

Иван рассмеялся:

– Ладно, ладно, не маленького! Тогда я сожру этого огромного, толстого, вонючего козла, который мне руку отламывает!

Красный от напряжения сын пытался завести руку отца за спину:

– Сейчас я тебя! Сейчас я тебя!

Света:

– Эй, вы, драчуны-засоны, быстренько умываться и кушать!

В ванной комнате отец и сын продолжали яростно бороться, теперь уже из-за струи воды – кто вперёд?!

Петя быстро поел приготовленный мамой завтрак и вылез из-за стола:

– Я всё! Я человека-паука смотреть!

Иван:

– Ладно, одну серию посмотришь, и повторим месяцы и времена года по правильной очерёдности!

– Да я так всё знаю, – Петя набрал полную грудь воздуха. – Апрель, июнь, май, январь, понедельник!

Иван:

– Молодец, почти угадал! А потом песенку вспомнишь, которую я для тебя в Лондоне написал, и расставишь всё по порядку.

– Я и сейчас могу! – Петя приосанился и торопливо запел:

АПРЕЛЬ капелью плачет,
Зелёный МАЙ смеётся,
В ИЮНЕ солнце греет,
В ИЮЛЕ уже жжётся.

Наш АВГУСТ переменчив,
СЕНТЯБРЬ не надёжен,
Листвой его, опавшей,
Забывтый сад уложен.

Иван уже сбегал за листком бумаги, на котором месяцы были записаны в календарном порядке, и, при каждом упоминании сына, он проводил под ними тупым концом карандаша, подхватывая последние строчки куплета:

Наш АВГУСТ переменчив,
СЕНТЯБРЬ не надёжен,
Листвой его, опавшей,
Забывтый сад уложен, —

Петя пел с воодушевлением, интонацией выделяя названия очередного месяца:

– ОКТЯБРЬ птичьи стаи
Куда-то прогоняет,
НОЯБРЬ белым пухом
Всю землю укрывает.

ДЕКАБРЬ – дед суровый,
ЯНВАРЬ могуч и светел.
ФЕВРАЛЬ – до самых рёбер
Пронизывает ветер, —

Затянули дуэтом, —

ДЕКАБРЬ – дед суровый,
ЯНВАРЬ могуч и светел.
ФЕВРАЛЬ – до самых рёбер
Пронизывает ветер.

А в МАРТЕ солнце светит —
Макушку припекает,
А дальше всё по кругу,
Такое всякий знает:

АПРЕЛЬ каплейю плачет,
Зелёный МАЙ смеётся,
В ИЮНЕ солнце греет,
В ИЮЛЕ уже жжётся.

Мама Света вошла в комнату, и образовалось трио:

– АПРЕЛЬ каплейю плачет,
Зелёный МАЙ смеётся,
В ИЮНЕ солнце греет,
В ИЮЛЕ уже жжётся...

– Молодец, Петь, но это только начало – смотри свой мультик и за работу!

... Сахар давно растаял, а Иван ещё долго звенел ложкой в бокале с остывшим чаем. Затем он тупо уставился в стол, поддавшись ватной тишине, которая, став почти осязаемой, давила на плечи, вдавливая Ивана всё глубже в диван.

Света слегка коснулась руки мужа:

– О чём всё думаешь-то? Сон такой плохой, что ли?

Иван вздрогнул от этого неожиданного прикосновения, которое вывело его из такого далёкого далека, о котором он уже не помнил, но ощущал ужас, поселившийся глубоко внутри:

– Очень плохой. Реальный такой, даже страшно... И осадок гадкий, на душе глухой пустотой висит.

Света под села к мужу:

– Расскажи, чтобы не сбылось!

Иван помотал головой:

– Не могу. Не сбудется...

Света:

– Расскажи. Легче будет.

Иван долго молчал, глядя в стол, но взгляд не упирался в него, а проходил сквозь столешницу и утопал в неизмеримо глубоком ужасе. Наконец Иван откашлялся, крикнул, проглотив ком, и тонкий звук пробился из сузившегося горла:

– Сон такой, будто бы у нас ничего не получилось...

Лицо Светы дрогнуло:

– Как не получилось?

Иван зажмурился в бесполезной попытке удержать слёзы:

– Помнишь, как Петя еле шевелил губами..., говорил: «Слишком мало времени... слишком мало времени... чтобы меня спасти»?

Света кивнула головой и заплакала.

Иван:

– Как будто ничего не получилось... И мы проиграли...

Света обняла Ивана:

– Это был сон. Всего лишь сон.

Родители рыдали на кухне, а из комнаты каким-то диким диссонансом, полным несоответствием с внутренним ощущением горя, доносилось бодрое пение сына: «Апрель капелью плачет, зелёный май смеётся, в июне солнце греет, в июле уже жжётся...»

Тягучая тьма заполонила собой весь оставшийся на поверхности мир. Всполохи света и резкие звуки тщетно пытались пронзить её – они вязли и тонули в этой неравной схватке. Иван тёр глаза, но никак не мог раскрыть их. Свинцовое одеяло накрыло его с головой, перемешав кости, плоть, помыслы и желания в одну неизмеримо тяжёлую массу. Вдруг откуда-то издалека, откуда-то снаружи, донёсся самый родной на всём свете голос:

– Пап. Пап... Вставай, хватит спать! Пап...

Огромным усилием воли Иван приоткрыл глаза: сквозь звенящее марево тумана угадывалась фигура сына, стоящего у окна.

– Пап... Ну, наконец-то проснулся! – Петя бодро махнул рукой. – Иди сюда скорее, чего покажу!

Тяжесть, тоска и боль исчезли вместе с туманом, не оставив никакого следа. Иван тискал и обнимал сына:

– Ну, чего у тебя здесь? Показывай!

Петя показал на цветочный горшок:

– Пап, вот смотри: зачем здесь палочка в землю воткнута?

– Чтобы земельку рыхлить, – Иван вытащил палочку и аккуратно подрыхлил ей землю вокруг цветка, – чтобы корочки сверху не было, чтобы корешки дышали.

Петя тревожно посмотрел на отца:

– А если палочки не будет, то что – цветы задохнутся?

– Нет, Петь, можно ещё камушки сверху подсыпать, тоже корочки не будет. Только у нас камешков нет.

– Папа, да как же нет? – воодушевился Петя. – Мы же на речке собирали всякие маленькие камешки, что – не помнишь? Целую банку красивеньких таких набрали!

– Точно! Я, Петь, совсем забыл про них. Ты постой здесь, я сейчас быстро принесу! – Иван вышел из комнаты и оказался в ловушке.

Тишина оглушила и укутала его, как в детстве, когда он прятался от своих страхов, укрывшись огромным ватным одеялом. Неожиданно часы с кукушкой «кукукнули» половину какого-то часа, хотя их несколько лет никто не заводил, оставив для декора, и они выпустили свои гири-шишечки вниз, согласившись с вынужденной необходимостью. Теперь они ожили, разорвали завесу тишины и подали сигнал остальным. В доме тикало всё, что могло тикать, даже немые с рождения электронные часы громко отмеряли убегающее время. Других звуков не было. Ничего не доходило до сознания Ивана, суетливо бегающего по квартире в поисках

того, чего он не помнил. Он открывал дверцы шкафов, заглядывал в них, надеясь увидеть и вспомнить то, что искал, закрывал и открывал их вновь, осознавая, что ищет что-то очень важное. Иван стоял в ванной комнате, мотал головой в разные стороны, бормотал, пристально рассматривая своё странное отражение. Вконец измотавшись, он обхватил голову руками и, не в силах постичь желаемое, завыл:

– Что делать? Что делать-то?

Крик потонул в тишине. Только часы, словно псы, сорвавшиеся с цепей, сбились в стаю и наперебой отмеряли ход ускользающего времени.

Иван отпустил себя, отвлёкся от навязчивой идеи вспомнить то, чего не в силах был вспомнить, сосредоточился на тиканье часов, зацепился за секундную стрелку, добрался вместе с ней до самого верха, споткнулся о цифру «12» и вспомнил:

– Петька!

Петя тут же отозвался:

– Чего?

Иван прикрыл рот рукой и засмеялся сквозь набежавшие слёзы:

– Ничего, сынок! Подожди чуть-чуть, я иду! – подбежав к сыну, Иван крепко обнял его. –

Прости, прости, сынок, что я так долго!

Петя улыбнулся:

– А разве долго? Я и не заметил. Наоборот, хорошо.

– Что хорошо?

– Ну, хоть постоим здесь подольше. Мне нравится здесь с тобой стоять...

– Сынок, я же никуда не уйду. Я не тороплюсь, будем стоять здесь, сколько захочешь! – счастье накрыло Ивана с головой и, нежно играя на самых тонких струнах души, передало приятную дрожь всему телу.

Петин голос повторился, но с реверсом и в совершенно иной тональности. Слова были те же, но они будто отскакивали от голых стен и падали на пол: «Мне нравится с тобой здесь стоять».

Сердце защемило от смутного предчувствия беды. Иван распахнул глаза, но ничего не увидел: мёртвая тишина и тьма приняли его в свой мир. Он уже всё понял, но в какой-то безумной надежде продолжал ощупывать всё вокруг сбившегося одеяла. Горло сжалось от бесконечности необратимого горя, отказывая лёгким в новом глотке воздуха, наконец, тишину разорвал протяжный крик, полный отчаянья и страха:

– Пе-тя!

Потом Иван скомкал, запихал в себе в рот большой кусок одеяла, сжал его зубами и завыл. Эхом отозвались рыдания жены из соседней комнаты.

Лес

Ветки, руки, тяжёлое дыхание, пронзительный крик лесной птицы – всё перемешалось в хаосе неосознанных чувств и полного отсутствия желаний. Мозг самоустранился, передав тело рефлексам, – убогая имитация жизни.

Иван с трудом продирался через густые заросли, снимая паутину с небритого лица, отплёвывался, спотыкался, но упрямо шагал вперёд. Очередной день медленно катил небесный шарик по небосклону, приближая лето к естественному концу; деревья прощались со своими товарищами, заботливо укрывая заснувшие корни умершей листвой.

Иван споткнулся и, даже не попытавшись удержаться, грузно упал на землю, как будто каждая клеточка его организма отказалась работать без команды сверху. Прямо перед его глазами, подбоченясь, упершись ногой в землю, словно купец на ярмарке, стоял величественный Белый гриб. Огромный слизень не обратил никакого внимания на случившееся и спокойно поедал шляпку царя грибов. Иван легонько подул на обжору, но это не возымело никакого эффекта. Дотронулся пальцем. Слизень задумчиво пошевелил усиками и втянул их в себя, но лишь для того, чтобы через мгновение забыть о произошедшем («А? Что? Что-то случилось?») и вытащить из упругого тела свои длинные антенны, дабы ничего не мешало трапезничать.

И правда, ничего не случилось. Всё оставалось точно таким же, как если бы Ивана здесь не было вовсе. Облака всё так же плыли по небу, повинувшись направлению ветра, деревья роняли листья, подчиняясь ежегодному ритуалу жизни и смерти.

– Но я-то здесь! – огрызнулся Иван своим мыслям и зло посмотрел на равнодушного слизня. – Сам пожрал, оставь другому!

Одним щелчком Иван сбил брюхоногого моллюска с гриба, положил добычу в пакет и продолжил путь. Шаг, два, три... пять – ни мыслей, ни вопросов – ничего. Монотонное движение прекратилось, когда палка глухо ударила по твёрдому предмету. Иван встал на колени и начал рыть. «Зачем? Почему? Для чего?» – таких вопросов не возникало, как и никаких других – он просто рыл. Листва и сучья сменились прелой землёй, и вскоре огромный рог лося уже лежал на поваленном дереве. Иван бережно очистил добычу от грязи, привязал к рюкзаку и, забросив его за плечи, продолжил движение.

Сумерки в лесу наступают мгновенно. Только что был день, и вот ты, в поисках лучшего пути, с огромным трудом всматриваешься в неясные очертания изменившегося ландшафта. Выбравшись на небольшую полянку, Иван сбросил рюкзак на землю, сел, прислонившись спиной к дереву, тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Тут же по ним полыхнуло огненными разрядами. Слепящие вспышки неотвратимо сменялись тьмой. Солнечным лучам едва удавалось выхватить расплывчатое детское лицо, как оно снова скрывалось во мраке... Ещё и ещё, всё ближе и ближе. Вскоре солнцу ничего не мешало светить, тьма рассеялась, и звонкий смех наполнил окружающий мир буйством неудержимого веселья. Петина куртка мелькнула за могучими стволами деревьев: «Не догонишь, не догонишь...» – отец во всю прыть мчался за ускользящим в подлеске сыном.

Иван резко открыл глаза, и сумрачный лес поздоровался с ним спокойными звуками вечерней природы.

Рядом куковала неутомимая кукушка: девять, десять... пятнадцать... двадцать.

– Врёшь ты всё, дура! – Иван вздрогнул от собственного голоса, до того неестественным и незнакомым он показался, достал блокнот, и тот послушно открылся в том месте, где лежал карандаш. Проведя пятаю черту, Иван аккуратно завернул его в целлофан, сделал несколько больших глотков из пластиковой бутылки и поднялся на ноги. – Ну, что ж, пора разбивать лагерь.

Початая бутылка водки первой оказалась на развёрнутом полотенце. Топорик, спички, вода и прочие походные мелочи последовали за ней следом. Иван долго вертел в руках банку рыбных консервов, дотошно изучал её этикетку, протирал крышку, наконец, облизнул покоробленные губы и решительно отложил её в сторону. Быстро темнело, а костром ещё и не пахло. Вскоре в этом нетронутым месте появилось очертание чего-то нового: полусгнившие куски ствола, сложенные колодцем, окружали корьё и сухие ветки, а наверху, словно голова медузы Горгоны, красовалась большая коряга с торчащими во все стороны корнями-змеями – очаг был готов.

Неровная струйка дыма робко дрогнула и, окрепнув, потянулась вверх, настраиваясь на рождение новой жизни. Вскоре огонь уже праздновал своё появление, лихо отплясывал, выбрасывая в темноту горячие, сверкающие и полные надежд искры.

– Сейчас, сейчас! – Иван открыл бутылку и посмотрел вверх, кивнул головой, приветствуя невидимого собутыльника. – Будем... За Нашу победу!

Глотнув из горлышка, он насадил грибы на свежесрезанные ветки кустарника, закрепил их над огнём, снова присосался к бутылке и уткнулся взглядом в танцующие языки яркого пламени.

– Вот так и мы, огонёк, танцуем, пока силы есть, а когда одни угли на душе, особо не попляшешь, – Иван тяжело поднялся на ноги, – ничего, я тебе помогу, ты-то ещё точно потанцуешь.

Человек шагнул в темноту и вскоре вернулся с охапкой толстых сухих веток. Обрадованный огонь затрещал свежей закуской и выбросил сноп искр напрямик к проснувшимся звёздам. Иван запрокинул голову и припал губами к горлышку опустевшей бутылки. Он подождал, когда последняя капелька, доверившись судьбе, навсегда оторвётся от своего временного убежища, чтобы в приступе безумной радости соединиться с его бурлящей кровью, и пододвинул отгоревшую ветку огню:

– Кушай!

...В немигающих глазах мелькали красные мотыльки, прыгали, скакали, бесновались. Иван всё дальше продвигал горящую ветку, ещё дальше и ещё, пока не «ойкнул» от нестерпимого жара. Рядом появились две тонкие веточки. Они легонько играли с огнём, касались его языков, дразнили, благодарно принимая пламя своими острыми кончиками. Иван медленно провёл по ним взглядом до маленьких кулачков, крепко сжимающих ветки, потом показали синие рукава детской ветровки...

– Папа, смотри, у меня светлячки пляшут! – Петя пошевелил обугленными веточками.

– Что? – Иван зачарованно смотрел на маленькие огоньки.

– Светлячки! Светлячки! Светлячки! У меня живые свет-ля-чки! – Петя подпрыгнул и пустился в пляс вокруг костра, заставляя мерцать в темноте концы обгоревших веток. – Смотри, цифра восемь! Ля – ля – ля! Цифра восемь у меня!

Иван резво вскочил на ноги, выхватил горящую ветку и, со свистом рассекая воздух, замахал ей в разные стороны, вычерчивая звёзды, круги, треугольники:

– Ну, а вот так ты умеешь? Ха-ха-ха! – Иван, как одержимый, бегал босиком вокруг костра, – а у меня в руке светляк! Огромный огненный светляк! – наступал на красные угли, но не чувствовал боли, продолжая свой безумный пляс, – и он не Гитлер, не Поляк! Огромный розовый светляк!

Вдруг Иван остановился и растерянно огляделся по сторонам:

– Петя, ты где? Пописать, что ли, пошёл? Не уходи далеко, ладно? А то волчары поганые сожрут, на хрен, и косточек не оставят!

Тревожная тишина ответила Ивану глухим звоном, но он не успел испугаться, дрожащий свет костра высветил очертание свёрнутого калачиком сына. Он лежал на расстеленном полотенце, рядом с берёзкой:

– Фу-ты, напугал почти! Спать завалился, а мне не сказал!

Улыбаясь счастливой улыбкой, опьяневший Иван лёг рядышком, бережно укрыл рюкзак полотенцем, обнял его и тихонько запел колыбельную:

– Спатеньки-дратеньки, кое-где лохматеньки, наш Петруша будет спать, будет глазки закрывать, ...а потом их открывать, а сейчас пора поспать.

Иван провалился в черноту. Тени от костра причудливо ломались, попадая на окружающие предметы, изгибались и пропадали, но он не видел этого, он был уже далеко. Неспешное бормотание костра, его живое тепло, перенесли Ивана в сон, в воспоминание, а может быть, в другую реальность, где такой же ночью, у огня, сидели отец с сыном и неотрывно глядели на игру света и тени.

– Туристы, день закончился, пора спать! – женский голос из палатки пролетел над головами, никак не потревожив их единения с природой.

Тишина. Лишь разговор пламени с потрескивающими дровами нарушают её Величие: «Ч-К, Т-К, ШИ-И, КРТ, ПП-П, Щ...»

– Мальчики, не слышите? Быстренько спать! – голос прозвучал настойчивее.

Иван:

– Ладно, пойдём, сынок, мама зовёт.

Петя:

– Не хочу.

– А надо.

– Не могу.

– Почему? – Иван положил руку на плечи сына.

Петя набрал полные лёгкие воздуха и шумно выдохнул:

– Здесь красиво.

Иван:

– Точно. И мне всегда трудно от костра оторваться... Отгадай, почему?

Петя задумчиво шевелил палкой в углях:

– Потому что он живой.

Иван:

– На сколько живой?

– На много живой. Живее не бывает...

Иван бросил ветку в огонь:

– Обоснуй, почему ты так думаешь?

– Я знаю это и всё! – Петя ударил палкой по углям, и красно-оранжевые брызги, шумя и озорничая, разлетелись в стороны. – Папа, ты сам не видишь, что ли? Ну, он шевелится. Он тёплый. Он ест палки – значит ЖИВОЙ!

– А сейчас он и тебя сожрёт, – Иван схватил сына в охапку, – поехали спать!

Петя попытался освободиться от отцовских объятий:

– Папа, не-ет!

Иван быстро сдался и усадил сына на место:

– Ну, ладно, сидим пять минут и уходим.

Отец и сын молча глядели на жародышащие, переливающиеся красно-чёрными оттенками, будто бы шевелящиеся угли.

– Петя, смотри, какая красота, – Иван пошевелил их толстой сухой палкой, – я в детстве представлял, что это драгоценные камни, и если их быстро залить водой, то они превратятся в настоящее сокровище.

Петя с интересом посмотрел на отца:

– А ты пробовал?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что ОН живой. Я не хотел ЕГО убивать! – Иван ловко подхватил сына под колени правой рукой, левой за спину.

Петя привычно обнял отца за шею:

– Ну, поехали!

– Поехали! – лёгким аллюром, по лошадиному цокая, Иван унёс сына в палатку.

– Ну, наконец-то, гулёны! – мама приняла, раздела и уложила Петрушу в спальный мешок.

– Не хочу спать, – Петя еле ворочал непослушным языком.

– Потрудился ты сегодня хорошо, нужно и отдохнуть, – мама повернула сына на бок.

Петя:

– Нет.

- Да, – мама укрыва сверху одеялом.
- Не хо... – Петя заснул на полуслове.
- Света гладила волосы крепко спящего сына:
- Вань, а ты-то куда опять?
- Иван уже выполз из палатки:
- На костёр посмотрю.

Света удивлённо высунула голову:

– Зачем?

Голос из темноты:

– Потому что он живой!

Сидя на бревне, Иван неотрывно смотрел на переливающиеся угли. Вскоре они уже занимали всё свободное пространство, и не было ничего, кроме этих играющих, потрескивающих драгоценных камней...

Гармонию нарушил резкий неприятный звук: «Взжик». Вместе с этим звуком мелькнуло бледное Петино лицо. Вздрогнув, Иван оглянулся и бросил остатки обгоревших веточек на благодарные угли.

...Необыкновенный осенний день. Первый, робкий, тающий на асфальте снежок – сегодня Иван встретил жену с сыном из роддома и привёз домой нового, ставшего главным ещё до рождения человека. Радость наполнила до краёв это жилище, не оставив места другим чувствам. Радость – продолжение рода купается, взвешивается, кормится! Радость. Сестрёнка бегают вокруг братика, суетится в умилении и желании помочь, приносит пелёнки, ласково смотрит на свершившееся Чудо – на новую Родную Душу:

– Какой он у нас хорошенький! Что-то сказать мне хочет...

«Взжик», – мерзкий звук смешал картинку, выхватив лицо измождённого сына в кабинете МРТ. Иван вздрогнул, потряс головой в попытке сбросить дурман и продолжил заворожённо смотреть на огонь.

Пламя играло в его зрачках, в его желаниях, в его сознании.

...Отец с дочкой и сыном весело резвятся в прозрачной воде. Отплыв немного в сторону, Иван нырнул и вскоре показался на поверхности с большими двустворчатыми раковинами в обеих руках:

– А это наш сегодняшний ужин!

– Не-ет, только не это! – Саша скорчилась от отвращения.

Петя открыл рот, изображая предчувствие необычайной вкуснятины:

– Ам-ням-ням.

Иван рассмеялся и бросил моллюсков в их родную стихию. Дети, подхватив очередной заряд веселья, забрались ему на плечи и голову. С выпученными глазами, имитируя неподдельный ужас, Иван погружается под воду. На поверхности – только смеющиеся дети и руки отца, заботливо их поддерживающие...

«Вжжиик», – идиллия разорвана в клочья. Добра больше нет. Весь мир, вместе с замершим сердцем, сжался в один маленький, дрожащий от страха комочек, а его место заняло измождённое лицо Пети с синими подглазниками, с торчащими трубками, с трахеостомой в горле. Петя едва шевельнул губами: «Домой».

– Ты сказал – домой? – Иван подставил ухо к синеватым губам сына.

Петя слабо кивнул, и губы сложились в слова: «По-е-ха-ли до-мой».

– Поедем скоро, сынок! Обязательно поедем, только немножко поправиться нужно, – Иван нежно погладил сына по лысой головке, поцеловал.

Петя кивнул и шевельнул губами: «До мой».

Иван покачнулся и едва не упал лицом в догорающие угли. Всё та же ночь, тот же тлеющий костёр, но что-то неуловимо изменилось в самой атмосфере, что-то тревожное пробралось в этот мир, сделав его другим. Беспокойство медленно сжимало испуганную душу железной хваткой, а сердце уже всю отбивало удары в тщетной попытке привести её в чувство.

Иван повернулся, но увидел лишь размытые очертания палатки. Вскрикнув от нестерпимой боли, он побежал к ней, но, по мере приближения, палатка отодвигалась всё дальше. Неожиданно Ивана сковала смертельная дремота, он запнулся за свою ногу и оказался совсем рядом с палаткой, едва не упав на неё всем своим телом. Это место, как колпаком, было

накрыто густым облаком, и брезентовый домик едва проглядывался сквозь пелену сбитого фокуса. Иван протёр глаза, протянул руку вперёд, и в тот же миг палатка растворилась в черноте ночи. Похолодев от ужаса, не воспринимая происходящее, он вернулся к костру, где увидел сидящую на бревне свою собственную сгорбленную фигуру. Иван вскинул руки к ночному небу и закричал что есть силы. Толстые вены вздулись, оплели горло надрывным узором, но из открытого рта не вырвалось ни звука.

Яркие звёзды сплелись небесным хороводом и закружились в бешеном танце. Иван с распротёртыми к небу руками медленно растворился, и теперь лишь одна сгорбленная фигура Ивана осталась сидеть у погасшего костра. Угли едва освещали искажённое болью лицо, оставался освещённым и маленький круг высоко в небе над его головой. Там, в самом центре чёрной пустоты, звёзды кружились быстрее и быстрее, сливаясь в неистовом вихре, пока не превратились в маленькие комочки пепла. Они медленно падали с небес, плавно опускались на голову, плечи, руки сгорбленного человека. Всё вокруг потонуло во мраке, и мрак был всем.

...Иван открыл глаза и увидел склонённую над костром спину сына. Попытки пошевелиться ни к чему не привели, глаза снова и снова закрывались. То проваливаясь, то пробуждаясь, он долго боролся со сном и, наконец, огромным усилием воли смог раскрыть рот:

– Сынок, тебе не холодно?

– Нет, папа, мне хорошо, – тут же отозвался Петя.

– Точно хорошо?

Петя не обернулся:

– Точно. Лучше всех!

Иван еле ворочал языком:

– Молодец. Подложи дрова в костёр, пожалуйста, я что-то немного устал...

Ветка ярко вспыхнула, осветив полулежащего у берёзы человека. Голова и плечи Ивана были прислонены к дереву, дрожащие веки говорили о тревожном сне, а рука крепко обнимала прикрытый краем полотенца рюкзак. Губы едва заметно дрогнули и растянулись в подобии улыбки:

– Молодец, сынок... Спасибо тебе, братан. Как хорошо-то стало. Спасибо! – Иван провалился в глубокий сон и полностью потерял себя.

...Родители, склонившиеся над неподвижно лежащим сыном, не обращают внимания на пищание, скрипящие, издающие громкие неприятные звуки приборы. Они сосредоточенно разминают Пете руки и ноги, массируют, смазывают кремами родное любимое тело. Глубокая кома. Иван положил руку сына на место и привычным движением взял его ногу. Хорошенько растерев, согнул-разогнул коленный сустав и взялся вращать ступню.

Неожиданно и отчётливо он услышал голос:

– Папа, ещё не время!

Иван посмотрел на неподвижное лицо сына, взглянул на заплаканную жену, которая продолжала массировать Петю со своей стороны.

Голос настойчиво повторил:

– Ещё не время!

– Что не время? – Иван снова посмотрел на жену. – Ты слышала, Петя сказал: «Не время!»

Света молча продолжала своё дело, как будто совсем не слышала вопроса. Палата реанимации дрогнула и начала исчезать, приобретая зеленоватый оттенок. Растерянный Иван крутил головой во все стороны:

– Да что не время-то?

– Спать не время! – строгий голос сына звенел в пустующем пространстве.

Предметы и сами стены палаты искривлялись, обретая непривычные формы. Картина меняющегося мира дрожала, чудесным образом переплетаясь с картинками прошлого.

Вот счастливое семейство бежит по васильковому полю, они смеются, падают, кувыркаются, купаются в синем цвете. А вот Петя, как всегда, скрестив ноги, сидит на траве и сосредоточенно плетёт венок для сестры:

– Сашуха, ну-ка дай примерить!

Саша подставила голову:

– В самый раз! А я тебе и маме уже сплела!

Иван шутливо надул губы:

– А мне кто сплетёт?

– Я сплету, чурики, я сплету, – радостно затараторил Петя.

Непонятно откуда появилась кровать с лежащим на ней сыном. Рядом с кроватью прошёл нарисованный слон. Остановился, посмотрел на Ивана добрыми глазами и улыбнулся:

– Пора просыпаться, засоня, – затрубил и прошёл через белую стену.

Иван упорно продолжал массировать пальчики на неподвижной ноге сына, когда очень громкий шёпот заставил его вздрогнуть. Как будто Петя сложил ладошки рупором и громко шепнул в самое ухо отца:

– Папа, вставай!

Волк

Робкий рассвет вычертил сонную лесную опушку и потухший костёр – картина просыпающейся жизни медленно проявлялась на осенней палитре мироздания. Первые лучи солнца, осторожно пробиваясь сквозь поредевшие кроны, нежно заигрывали с плотным миром. Иван неподвижно полулежал, используя ветки как матрас, а ствол берёзы – как удобную подушку. Ничто не в состоянии помешать сну смертельно усталого человека, но он вздрогнул и поморщился. «Папа, вставай!» – зашуршали кроны деревьев и осыпали лицо спящего пожелтевшей листвой.

Иван распахнул глаза и увидел огромного старого волка. Ледяной взгляд цепких глаз животного оценивающе сверлил человека, из оскаленной пасти стекала густая слюна, а расставленные в стороны лапы говорили о скорой атаке.

Одной секунды хватило Ивану, чтобы вскочить на корточки. Он ясно услышал, как закипели пузырьки адреналина в его крови, как они звучно лопались там, барабанили и били набат, призывая весь сонный организм собраться. Иван дрожал каждой клеточкой своего «Я», но не от страха – кураж захлестнул его с головой, и лицо перекосила злая усмешка.

– Ну, вот и всё... Спасибо! – Иван послал воздушный поцелуй в небо.

Пружина, до предела сжатая в его глубинах, разжалась мгновенно – с топором в одной руке и ножом во второй он выпрыгнул навстречу волку и замер. Чуть согнутые в коленях ноги забыли о пройденном пути и дрожали от неуёмной бодрости – левая впереди, правая плотно упиралась в землю. Человек и волк, такие разные и настолько одинаковые жители земли, рычали, не мигая глядя в глаза друг другу.

...Солнечные лучи насквозь пронизывали своим космическим жаром салон машины с находящимися в ней людьми.

– Петя, ну, чего он еле ползёт-то? Так и опоздать недолго! – Иван нервничал, едва плетясь за машиной такси.

Петя молча сидел рядом с отцом и спокойно смотрел в окно на раскалённый город и утомлённых жарой жителей. Такси ехало медленно, но вдруг так резко встало посередине дороги, что Ивану пришлось резко нажать на педаль тормоза. Петя повис на ремне безопасности, зажмурился и схватился за грудь. Иван нахмурился и ощупал сына:

– Больно?

Потирая грудь, Петя мотнул головой:

– Нет.

– У тебя всегда «нет», даже если очень «да»! Никогда не скажешь, что больно.

Петя засмеялся, продолжая растирать ушибленное место:

– Да нет, пап, всё нормально!

Через открытое окно таксист весело перекрикивался с другим таксистом, стоящим на обочине.

– Да что же он, гад, делает-то? – Иван несколько раз моргнул фарами и посигналил.

Водилы увлечённо разговаривали о чём-то своём, весёлом и смеялись, не обращая внимания на стоящую позади машину.

Иван открыл окно и громко крикнул:

– Так и будешь на дороге стоять?

Реакции водителя не последовало, но запустило почти неуправляемую реакцию Ивана. Резко выкрутив руль, Иван выехал на встречную полосу и, затормозив рядом с такси, выпрыгнул из машины:

– Мне на встречку из-за тебя вылезать, с...ка?!

Визжа выдавшими виды покрывками, такси сорвалось с места. Иван вернулся за руль, но никак не мог успокоиться:

– Вот же, гадость какая! С...ка!

– Пап, да ладно... Всё нормально уже.

– Нормально? Да я чуть ремнём тебя не придушил из-за уroda этого! – Иван взглянул на часы и прибавил газ.

– Папа, я, конечно, хочу быть на тебя похожим... Но ты постоянно на всех орёшь.

– Да, когда хоть? Вывел просто из себя таксёр этот недоделанный!

– Ага! А за мужиками по двору кто с бутылкой бегал и орал страшным голосом? – Петя строго смотрел на отца.

– Так они же сами напросились! Мне даже тебя с палкой пришлось на дорожке бросить... – Иван виновато взглянул на сына. – Но ты молодчина! Стоял как вкопанный – не упал!

Потянув за ниточку, Петя уже разматывал пёстрый клубок острых воспоминаний:

– А зимой у больницы вокруг машины за мужиком кто бегал? А? А?

– Блин, Петя... Уродов-то сколько вокруг! Так и нороят обидеть, – останавливая машину у поликлиники, Иван сконфуженно засмеялся, – стыдобища какая-то. Да, прав ты, Петя, прав, конечно: за нервишками следить нужно. Буду меланхоличен и спокоен, как холодильник!

Привычным движением Иван вытащил сына из машины, понёс к зданию поликлиники, но путь до её крыльца был привычно не прост. Огромные ямы, лужи и кучи строительного мусора представляли собой замысловатую полосу препятствий, но, когда все трудности казались преодолёнными, возникла новая преграда в виде автомобиля, припаркованного прямо у ступенек. Кто-то решил не утруждаться пешей прогулкой и полностью перегородил крыльцо. Иван негодовал:

– Петя, ну ты посмотри, что творит! Пнуть его, что ли? А... нет, нет, я же теперь холодильник. Полное ледяное спокойствие, – отец с сыном на руках боком протиснулся на крыльцо и добрался до дверей поликлиники.

– Папа, а зачем мы сюда приехали? – Петя крепко держался за шею отца и смотрел на него доверчивыми глазами.

– Да я и не знаю, мама забыла сказать! – выпучив глаза, Иван невинно рассматривал вытянувшееся лицо сына.

– Ну, папа, ты совсем, что ли, холодильник? – засмеялся Петя.

Искренний смех эхом прокатился по утреннему лесу. Казалось, что человек и волк целую вечность смотрели в глаза друг другу. Наконец волк, сведя в своём волчьем черепе все «за» и «против», попятился задом и как-то боком в два прыжка скрылся в густой чаще.

Иван опустился на землю. Пластиковая бутылка хрустнула и сжалась в его дрожащих руках, отдавая живительную влагу.

– Всё, это последняя... Больше воды нет, – Иван поднял голову вверх к бесконечно глубокому синему небу. Этот чистый кусочек вечного неба, окаймлённый жёлто-зелёной бахромой шевелящихся на ветру листьев, напоминал бьющееся сердце – здравствуй, сынок. С добрым утром, братан ты мой любимый!

Укладывая рюкзак, Иван постоянно бормотал, разговаривал с кем-то невидимым, а может быть, он говорил сам с собой, затем определил стороны света по отдельно стоящим деревьям и в последний раз посмотрел вверх, туда, где на ветру билось сердце.

– И, да, вот ещё что, сынок, – сам ты холодильник!

Ручейки всегда выводят к людям

Окружающий лес заметно изменился. Могучие деревья уступили место хилым деревцам и кустарникам. Теперь под ногами стелился мягкий ковёр зелёного мха, местами усыпанный красными бусинами клюквы и брусники.

– Ну вот, кто-то ягодки нам просыпал! – Иван лёг на живот и долго ползал по лесному ковру, выедавая на нём большие проплешины.

Вскоре под ногами была уже не твёрдая поверхность, а хлюпающая субстанция, пересечённая умершими деревьями. Измученный путник то и дело падал, но поднимался и упорно шёл вперёд. Если бы вдруг (ну, всякое же в жизни бывает) другой путник повстречался ему в этой глуши и спросил, куда он идёт, то Иван бы не смог ответить на этот вопрос. Он бы даже не понял смысл вопроса, а, поправив лямки рюкзака, побрёл бы вперёд, спотыкаясь, падая и поднимаясь вновь.

В очередной раз, оказавшись в горизонтальном положении, путник вытер грязь с лица и дотронулся до затылка – пальцы сразу окрасились в красный цвет крови. Иван неуверенно усмехнулся и долго рассматривал лосиный рог, привязанный к рюкзаку, затем резко откинулся на спину. Тишину вечернего леса нарушил дикий, неестественный хохот, вскоре перешедший в истерику. Иван пытался что-то произнести, но смех душил его, отказывая в праве не то что говорить, а даже дышать по-человечески:

– А за... ха-ха-ха, а за... ха-ха-ха, а зачем он мне нужен? А-ха-ха-ха-ха... Куда я его так давно тащу? Ха-ха-ха-ха... Зачем? А-ха-ха-ха-ха! – хрипел Иван.

Схватившись руками за уставшее горло, Иван катался по мокрому мху, смеялся и плакал, пока совсем не выбился из сил. Сон, не раздумывая, принял наперсника в свои объятия и быстро перенёс его в родной дом, где маленький Петя, приставив кулачки к голове в виде рожек, бегал за папой по коридору.

– Папа, я лось! Я лось! У-ууу! – сын пробегает мимо стены, на которой уже много лет висит рог лося, бодает отца. – У-ууу, у-ууу!

Раскрасневшиеся и довольные ребята влетают на кухню, где мама Света готовит ужин.

– У-ууу, у-ууу! – вторит мама, подражая сыну.

Отец в панике падает на пол и пытается закатиться под стол, но сын крепко держит его в своих объятиях. Весёлый смех заполняет всё вокруг, и каждая молекула, каждый атом, всё составляющее этих счастливых людей смеялось и радовалось вместе с ними.

Полная луна, не заметив редкую поросль хилых деревьев, осветила грязное исхудавшее лицо Ивана, и без того светившееся блаженной улыбкой всеобъемлющего счастья. Он был далеко от этого места. Сейчас он был с сыном.

Очередной рассвет наполнил холодную росу разноцветными красками. Маленькие капельки ожили, засутились, предвосхищая новый день, заиграли лучистыми бликами раннего солнца, передавая друг по дружке отражение спящего: «Соня, пора вставать!»

Лицо и руки спящего были густо облеплены толстыми, но вечно голодными комарами, не спешившими покинуть бесплатную пирушку, но Иван их уже не замечал. С трудом поднявшись на ноги, он подошёл к болотистой луже, грузно упал на колени, зачерпнул пригоршню коричневой воды, выпил её одним махом, потом ещё и ещё. Жажда не унималась. Иван лёг на живот, опустил лицо в воду и замер. Ящерица суетливо забралась ему на спину и, тревожно озираясь, забегала в разные стороны, словно позабыв дорогу домой. Пройдя через водную преграду, звуки леса поменяли свою тональность, они стали намного глуше, растянутее и, наконец, сменились бодрым голосом Ивана:

– Раз – два! Раз – два!

сёстрами-берёзками. Помахал рукой небу и продолжил свой путь. Быстро темнело, вскоре лес полностью провалился в черноту ночи, но ещё долго в кромешной тьме слышалось чавканье сапог по болотистой жиже и вторящий ему хриплый голос:

– Я сейчас, сейчас, сынок... Подожди немножко. Ты только не уходи никуда...

Тем временем в одном маленьком Волжском городе в кабинете полиции сидела заплаканная Светлана. Она вздрогнула, с надеждой посмотрела в сторону распахнувшейся двери, привстала со стула и села обратно. Женщина, офицер полиции, подписала принесённую распечатку и поставила свой штамп:

– Ладно, уговорили, какой уж день ходите, будем искать Вашего благоверного, – протянула лист бумаги, – вот ещё копию записки возьмите, которую сегодня нашли, оригинал мы оставляем у себя, – сложив руки в замок и упершись локтями в стол, дама наклонилась вперёд. – В розыск объявим, хотя знаю по многолетнему опыту, что скорее всего загулял он где-то и скоро сам объявится. У нас сплошь и рядом такое, а мамы, жёны панику разводят раньше времени!

Светлана вытерла слёзы платком:

– Но у нас же ситуация другая, по...

Офицер встала из-за стола и протянула лист:

– У всех ситуация другая! Я же сказала: «Будем искать».

Зарёванная Светлана, едва нащупав замочную скважину, вошла в пустую квартиру, опустилась на пол и протяжно завывала. Из её рук выпала ксерокопия и плавно легла рядом. На бумаге размашистым почерком мужа было написано: «Света, Саша, простите – так было нужно. Не ищите меня. Здесь я уже всё сделал». Дата и подпись.

Лес. Сумерки. Голодный костёр безуспешно пытался дотянуться до вкуснятины или хотя бы лизнуть сохнувшие на палке носки. Поставив очередную черту в блокноте, Иван взял в руки банку с килькой.

– Ну что, Петь? Может, сожрём её всё-таки, а? Надоело любоваться!

Открытые консервы моментально вскружили голову самыми ароматными ароматами. Почти не пережёвывая, Иван заглотил содержимое банки, поперхнулся и закашлялся. Какое-то время он катался по земле, хватаясь то за живот, то за горло, потом лежал, свернувшись эмбрионом, пока не наступила сильная рвота. Тело сотрясалось от конвульсий, а перегруженный мозг разряжал в темноту вспышки ярких молний.

– Да нечем уже блевать, падла! – Иван сплёвывал и корчился от новых рвотных позывов, давился слюной и катался по земле. – Достал блевать уже, перестань...

Неожиданно он схватил топор и с силой метнул его в дерево, за ним полетел нож и вонзился рядом.

– Да что же я не сдохну-то никак?! Да сколько можно-то? Да на хрена это нужно??

Рыдания, причитания, плач, жалость к себе сотрясали грубо вырезанный кусок плотной материи. Этих стенаний не слышал и не чувствовал никто, даже сам Иван – они были вне зоны его доступа.

Видимый мир исчез, плавно погрузившись в темноту, и так же плавно из неё вышел. Костёр радовался, потрескивая припасённым с вечера завтраком, Иван лежал рядом с ним и еле слышно пел:

«Если я заболею, к врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям (не считите, что это в бреду):
Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте упавшую с неба звезду...»

Лежащий с разбросанными по сторонам руками человек вращается вокруг своей оси, уменьшается в размерах, как будто видеокамера, или тот, кто на него смотрит сверху, или собственная душа удалялись к макушкам хилых деревьев, а потом всё выше и выше, в бескрайний океан неба, где звучит эстрадное исполнение песни: «Постелите мне стель, занавесьте мне окна туманом, в изголовье поставьте упавшую с неба звезду».

На чистом голубом небе появились звёзды, они играли друг с другом, догоняли, отскакивали, сплетались в чудном танце. Всё видимое и «думанное» постепенно переходило в диковинный мир, переплетая явь и вымысел, сплетаясь корнями ног и ветвями рук с самыми желаемыми и светлыми желаниями.

...Полуденное солнце, набравшись сил, припекало лицо лежащего на спине Ивана. Его руки всё так же были раскинуты в стороны, открытые глаза на умиротворённом лице играли в гляделки со слепящим светилом – кто первый моргнёт?

– Ну что, сынок, пора вставать?

– Ну, давай, – Петя сладко потянулся рядом.

Иван с трудом повесил рюкзак на плечи:

– Только ты больше не уходи от меня никуда, ладно? А то я тебя чуть не потерял.

– Ладно, папа.

Иван еле волочил ноги и тщетно боролся с навалившейся дремотой, пытаясь приподнять тяжёлые, сползающие вниз, давившие на веки брови. Внезапно он остановился перед ручьём.

– Петь, смотри какой ручеёк! – Иван осторожно лёг на живот и припал губами к воде. Оторвался, чтобы перевести дух, и тут же, не успев толком отдышаться, снова впился в живительную влагу. – Вкуснотища!

Блаженство разлилось по сузившимся венам, наполнило кислородом изголодавшиеся капилляры, цветным узором проникло в мозг – Иван прозрел. Он слышал журчание воды под ухом, щебет птиц, гул поднимающейся стрекозы, взмах крыльев комара, дыхание ветра – всё слилось в гармонию вечно молодой природы. Иван скрестил под собой ноги и застыл в этой позе, слушая, ощущая и впитывая столь чудный мир. Капля воды дрогнула на кончике носа, сорвалась с высоты и шумно разбилась о сухой лист, разлетевшись мириадами искрящихся брызг.

Иван наполнил бутылку до половины – глубина ручья не позволяла большего, остальное добрал сложенными лодочкой ладонями.

– Ничего, сынок, нужно и ручками иногда поработать! А помнишь, как я тебя учил, если в лесу заблудишься? – Иван крепко закрыл бутылку и достал вторую. – Правильно, надо всегда идти по ручью, и он тебя обязательно выведет к людям! – очередная порция воды оказалась в бутылке, зажатой между колен. – Малюсенький ручеёк впадает в ручей побольше, тот в речушку, речушка в реку, та, в свою очередь, в озеро или море.

Иван припал к бутылке и шумно выдохнул скопившуюся усталость:

– А на берегу всегда селятся люди. Там, где вода и еда. Так мы с тобой и сделаем, сынок: пойдём к людям. Полный вперёд!

За сутки до этих событий

Иван тупо сидел на кухне и бормотал что-то нечленораздельное. Початая бутылка водки и банка огурцов были единственными его собеседниками.

В дверном проёме показалась жена:

– Ваня, может, хватит?

Иван наполнил стопку, оценивающе глянул на бутылку и вытащил из-под стола вторую:

– Может, и хватит, – взболтнул до «вьюна», внимательно присмотрелся к весёлому хоро-воду пузырьков, – думаю, должно хватить.

Изменённое сознание приносит с собой временное облегчение. В пьяном состоянии всё кажется не таким безысходным, как есть на самом деле. Это не то чтобы притупляло боль, нет, боль остаётся с тобой, но она уже не такая острая, не такая ноющая, не такая убийственная. Водка работает как естественный растворитель для мозга – она растворяет границы реальности, а когда нет границ, всё уже не так страшно.

– Да, Петь? Всё ведь не так страшно? Это же всё не по-настоящему? Да? Ведь всё хорошо будет?! – Иван рассматривал и гладил фотографию сына. – Петь, а помнишь, как ты ночью надо мной глумился и уезжал на своей коляске-драндаске в Лондоне? А? Было ведь дело...

Иван усмехнулся своим воспоминаниям, выпил и налил ещё:

– Ну и чё? Сам такой! Трогаешь рукой! Нет-нет, не угадал – твою!

Иван разговаривал с сыном, смеялся, плакал и снова смеялся:

– Ничего, братан, прорвёмся, как нить...

Иван запрокинул голову, внимательно всматриваясь в одну точку. То ли потолок быстро приблизился, то ли сам Иван оторвался от дивана и полностью ушёл в его белизну, но всё ожило, начало меняться, становясь объёмным, словно было соткано из кучевых облаков. Из самой глубины этого белого цвета пролилась необычайно красивая музыка, её сила росла, становилась всё громче и громче и вскоре сделалась невыносимой. Вместе с музыкой, словно слежавшиеся хлопья пуха, от потолка отваливались и падали вниз большие куски белой материи. За ними неспешно проявлялся красочный и слепяще-яркий мир.

Петя крепко стоял на своих ногах, здоровый, загорелый и счастливый. Взмах рук, и большие геометрические фигуры появлялись в воздухе, крутились, поворачивались, соединялись. Что-то явно не стыковалось, и Петя смеялся, толкал воздух руками – фигуры растворялись в пространстве, гармонично впитываясь в окружающий мир, откуда и были взяты.

Петя плавно оторвался от поверхности, поднялся на десяток метров вверх, осмотрелся там, затем резко сманеврировал вправо, к причудливым скалам, вниз к изумрудной воде, закружился в радужном вихре и оказался на прежнем месте. Уверенный взмах рук, и куб, серебряный по краям с золотым отливом посередине, материализовался в пространстве. Улыбнувшись своему успеху, Петя направил куб в нужное место, чтобы незамедлительно сотворить точно такой же, потом ещё и ещё. Блоки соединялись между собой, гармонично встраиваясь в стены быстрорастущего здания, они предвосхищали неземную красоту будущего фасада. Невесомая фигура стремительно перемещалась, исследуя всё вокруг: на земле, под землёй, в воде и воздухе.

Повинуясь Петиной воле, в пространстве возникали всё новые фигуры из стекла, стали, драгоценных камней, дерева... Он полностью сосредоточился на созидании, лицо светилось уверенностью в конечном результате и прикосновении к Великой тайне. Петя изменял пространство.

Хлопья кучевых облаков, недавно открывшие этот новый мир, теперь собрались вместе, чтобы закрыть его. Облака уже не были лёгкими и белыми, они пропитались и набухли темной, как перед сильным ливнем. На неровной поверхности появилась маленькая точка, которая

стремительно росла, и вскоре чёрная точка, окружённая тёмно-коричневым кругом, заняла всё видимое пространство. Масштаб изображения уменьшился, и картинка отодвинулась назад – теперь это не казалось точкой – огромный собачий глаз, в уголке которого дрожала слеза, преданно смотрел на Ивана. В пронзительном взгляде собаки читались боль, недоумение, готовность взять на себя часть этой боли и невозможность помочь беде.

Иван взял Джека Рассела, Петиного любимца, за голову, потёрся носом о холодный и влажный нос друга:

– Петенька, сынок... Помнишь, как мы с тобой так здоровались? По-чукотски...

Слёзы затопили глаза, искривив стены кухни и нехитрую утварь, стоящую на столе. Иван с размаху опрокинул очередную стопку и тихо завыл. Снова взял со стола рамку с фотографией сына, потёрся носом о нос:

– Петенька... Ну, чего ты там застрял? Иди сюда, братан ты мой хороший...

Читтер жалобно скулил, жмурился, ощущая себя виноватым, с силой вжимался в диван из-за несбыточного желания провалиться в него, чтобы стать незаметнее для горя и боли, поселившейся в этой семье. За стенкой плакала Света.

Иван долго всматривался в окаменевшую белизну потолка и неожиданно громко крикнул:

– Где ты?!

Блестящий шар остановился в воздухе. Петя вздрогнул, будто услышав отголосок отцовского крика, замер, внимательно всматриваясь в пространство, зажал уши руками и упал на колени:

– Папа?

Мосты

Иван сидел на верхней арке моста, рассматривал фотографию сына и пил водку.

– Хочу к тебе, сынок, здесь мне уже нечего делать. Без тебя ничего не хочу и не могу делать... Пруд под карпов летом хотели углублять. Твой форпост доделывать, – глотнул из горлышка, глядя в ночное небо, – а как я это без тебя буду делать? Тебе это не нужно. А мне-то зачем? Ничего, кроме тебя, мне не нужно. Только быть с тобой. Думаю, что это возможно, а иначе в чём вообще смысл? – Иван допил содержимое бутылки, тяжело поднялся на ноги и, опёршись животом на хлипкое ограждение, раскинул руки в стороны. – Или вообще не быть... И нет вопроса!

Иван разговаривал сам с собой, издавал несвязные звуки, спорил, не соглашался, кивал головой и снова горячо спорил:

– Да, знаю, знаю, что нельзя самому..., а что делать? Моя душа уже танцует в океане сансары, – наклонился за бутылкой, споткнулся об арматурную лестничную ступеньку и упал на колено, – пустая, чёрт! Ну и хрен с ним! – Разорванные штаны быстро промокли от крови. – А может быть, всё вообще не так, кто знает?

Иван уселся на холодный бетон, достал фляжку, глотнул из неё и почувствовал, что за ним кто-то пристально наблюдает. Повернув голову, он увидел рядом с собой молодого деда, но совсем не удивился этому. Дед ласково потрепал внука за плечо:

– Кто-то что-то знает, но далеко не всё. Ты тоже многое знаешь, просто забыл на мгновение, совсем немножечко подзабыл.

Иван задумчиво глядел вниз:

– Чего это я забыл?

– Например, то, что мы – это всё и ничто одновременно, – продолжил дед. – Без нас, без нашей любви этот мир перестал бы существовать, он держится на тебе, и ты это чувствуешь. Здесь и сейчас все знания тебе не нужны, они бы только мешали. Но в завуалированном состоянии они всегда с тобой. Я говорю об интуиции, и это немало. Это значит, что ты помнишь уроки прежних рождений. Ты ведь чувствуешь, что нельзя туда прыгать.

Слова лишь легонько касались Ивана, не проникая в сознание, и, не задерживаясь, пролетали мимо:

– А если я случайно упаду?

– Случайности должны происходить случайно, себя не обмануть, – покачал головой дед, – на земле мы исправляем ошибки прошлой жизни, но, к сожалению, делаем новые. Наша жизнь, со всей её болью и несправедливостью, – это наш собственный осознанный выбор. Только таким образом, испытав всё на собственной коже, мы учимся ценить то, что действительно представляет ценность.

Иван вышел из оцепенения:

– Да знаю, знаю. Прав ты, дед, конечно: убьюсь – обреку себя и детей будущих на тот же круг, на котором сейчас вертимся, и не выйти из него никак. Значит, и в следующей жизни будут трагедии, хуже которых ничего и быть не может, – Иван тяжело вздохнул, – но разве могут родители детей своих хоронить? Это как же мне в прошлой-то жизни накосячить-то нужно было?

– Ванюшка, а может, ты именно таким способом убежал от своих проблем? На крыши забирался, на деревья, а сейчас и не припомнишь? Вот, смотрю, на мост забрался зачем-то...

– Ну, а зачем тогда у меня память забрали? Я бы всё сделал, как нужно, и жил бы правильно, и с Петей ничего не случилось бы... Опять это поганое «бы».

– Вот тут, внучок, как раз всё очень просто: никому, а в первую очередь тебе самому, не нужно стараться делать правильные вещи за обещанную награду. Жизнь – это тебе не кон-

трольную на экзамене списывать. Ты сам должен прожить её так, как можешь и насколько хорошо можешь. Твои поступки, мысли и именно твои решения закладывают фундамент последующей жизни в физическом мире.

– Но, дед! – перебил Иван, – тоска-то какая смертная! Сейчас у меня не жизнь, а иллюзия жизни.

Дед пожал плечами:

– А что не иллюзия? Всё в мире иллюзорно.

– Да в каком мире? Зачем мне думать обо всём мире, когда мой мир полностью разрушен? Для чего всё? Ради чего, и зачем мне это всё теперь нужно?

Голос сына заставил Ивана вздрогнуть. Слева сидел улыбающийся Петя и обеими руками держал его руку:

– Да, пап, ты просто под ноги смотришь, а что вокруг не видишь. Вот ты знаешь, где сейчас находишься?

– Наверху, – Иван смотрел на сына, пытаясь понять нормально, что он сейчас здесь, или это странно, но мозг, словно засохший пластилин, утратив пластичность, не желал двигаться в этом направлении.

Петя светился от переполнявших его чувств:

– Папа, «верх» – понятие относительное, вокруг-то глянть, нужно только захотеть Видеть!

Иван поднял голову и заметил, что темнота рассеялась, уступив место странным краскам, которые он раньше не замечал. Крепко обняв сына, отец смотрел по сторонам широко открытыми глазами. Теперь он видел всё в мельчайших подробностях, в чудесной цветовой гамме.

– Круто, сынок! А я-то думаю, чего это дед такой молодой?!

Дед усмехнулся:

– Да все мы, Ванюшка, не старые. Старость – та же иллюзия, как и смерть, как и рождение, как и сиюминутная жизнь. Жизнь настоящая не имеет того, что мы называем началом и концом. В своё время ты всё вспомнишь... Потом снова забудешь на миг. На короткий сон. На одну жизнь.

Отец и сын сидели на горбатой разноцветной лавочке, на маленьком деревянном и очень крутом мостике в виде арки. Над ними раскинулось бескрайнее розово-синее небо со спиралевидными облаками в виде огромных воронок, будто бы закрученных волшебным вихрем. Ветер, сотканный из чёрно-белых частичек, влетал в эти воронки, переливался всеми возможными и невозможными цветами и радостно вырывался из других, наполняя пространство весёлыми золотыми брызгами. Гармония нового чудесного мира тронула душу Ивана, смешалась с разрозненными остатками того, что там ещё оставалось, и взорвалась красочным фейерверком:

– Петька, красиво-то как!

Петя улыбался:

– Молодец, папа! Учишься смотреть и видеть, а не просто смотреть!

Иван хитро глянул на сына:

– Петя, а вот ты можешь мне ответить серьёзно на один очень важный вопрос? – Петя утвердительно кивнул. – А вот, скажи-ка, как же так получилось, что яйцо курицу учить начало?

– Ну, и кто же из нас яйцо? – Петя приподнялся на цыпочки, стараясь говорить басом. – Я вот, например, думаю, что ты и есть самое настоящее яйцо!

– От яйца слышу! – Иван сгрёб сына в охапку.

Безусловное счастье переполняло его и лилось через край, убегая в неизвестность, сокрытую за пределами горбатого мостика. Будто разбуженные этим чувством, облака поднялись выше, уступив место зелёной поляне, залитой ярким светом. Дед и бабушка стояли посередине этой полянки и приветливо махали руками. Иван махнул им в ответ и тут же увидел, как из

тумана верхом на красивой чёрной лошади, подняв кверху сверкающие облака, показался его давно погибший брат. Иван усерднее замахал руками:

– Женяшок, привет! Ну как ты там?

Подняв коня на задние ноги, Женёк улыбнулся:

– Нормально! Сам-то как?

Родственники приветствовали, улыбались, и даже, казалось бы, незнакомые люди махали Ивану руками, но он знал, что все они родные ему. Вот идёт его второй дед, погибший на вой не в 23 года, рядом другая бабушка, которую Иван застал в здравии, а вот в сторонке стоит и скромно улыбается, это же...

– Ну, всё, папа, тебе пора! – Петя сломал вычерчивающийся в голове Ивана родственный ряд, достал чудное приспособление, похожее на одноколёсный велосипед, ловко запрыгнул на него и сделал пару кругов вокруг отца.

– Петька, Петька, братан... А мне-то что делать? Что делать? – Иван опустил на лавку, положив руки на дрожащие колени.

– Пап, тебе домой сейчас нужно – мама ждёт.

Иван посмотрел на родных, на сына:

– А можно с тобой?

Велосипедное колесо не только крутилось, но и подскакивало вверх и в стороны, а Петя уверенно гарцевал на нём:

– Нет, папа, тебе рано ещё! – одним движением он присоединился к родным. – Не бойся, мы тебя здесь будем ждать!

Иван поднялся и решительно шагнул вперёд. Тут же лошадь под братом остановилась как вкопанная. Её громкое ржание отозвалось в сердце резкой болью.

– Ванюшок, стой, ты глянь вниз-то! Не туда собрался? – брат улыбался, но голос его был крайне серьёзен.

Прямо под ногами Ивана шипела и клокотала чёрная движущаяся масса, вырываясь высоко вверх красными всполохами огня. Иван содрогнулся, попятился назад и застыл на оставшейся половинке мостика.

Женёк пустил лошадь в галоп:

– Чего тогда думать? Путь один остаётся, просто ты его не видишь в своём горе – домой! Позже увидимся!

Родные улыбались и махали руками:

– Пока! До встречи! До скорого!

Шипя и чавкая, облако смрада поднялось из разверзнувшейся бездны, заставив Ивана отвернуться. На противоположной стороне мостика, в неясном свечении, он увидел свою комнату, и слёзы, не ощущая никаких препятствий, ручьём потекли из его глаз. В этих слезах было всего и помногу: радость от встречи, горечь разлуки, нераскрытая тайна и светлая тень грядущего. Иван медленно пошёл в сторону дрожащей комнаты, но что-то заставило его оглянуться.

– Не реви, солдат! – сквозь марево, всё больше скрывающее диковинный мир, Иван увидел восторженное и одновременно грустно улыбающееся лицо армейского друга.

– Эдька, ты? Мы же с тобой недавно виделись, ты чего здесь делаешь?

Сослуживец пожал плечами:

– Бывает. Так получилось. Ванька, ты главное знай: всё будет хорошо!

«Всё будет хорошо» – приглушённые слова, словно завернутые в полотенце, лёгкой тенью коснулись лица спящего. Открыв глаза, Иван ещё долго лежал в постели, качая головой в разные стороны. С трудом заставив себя подняться, он набирал пригоршни ледяной воды из крана и с шумным выдохом ополаскивал лицо – ещё и ещё. С каждым всплеском перед глазами мелькали краски ушедшего сна: радостный сын, брат на коне, улыбающийся дед...

– Да как же это так-то... реальнее не бывает, какой там сон... – погружённый в воспоминания, он зашёл на кухню, где столкнулся с взволнованной женой.

– Ваня, что происходит?

– А что происходит?

– Ты куда ночью на такси ездил? – Света дрожала, как будто её бил озноб.

Слова были знакомыми, но Иван не понимал самой сути вопроса:

– На такси? Зачем на такси?

Света протянула разорванные на колене джинсы:

– Штаны на выкидку. И с коленом, посмотри, что сделал...

Иван посмотрел на кровоточащее колено и сразу вспомнил, как во сне оступился на мосту:

– Вот же, хрень какая!

Света тихо заплакала:

– Ну, ты можешь со мной поговорить?

– Я не знаю, что говорить. Я не понимаю, что правда, а что... иллюзия, – Иван вернулся в комнату, – похоже, вообще всё и есть иллюзия, да, Петруха? А может, всё реально, а я и есть самая иллюзорная иллюзия, кто знает? Ходячая такая иллюзия, мать её так.

Конфетные фантики

Иван лёг на смятую кровать и замер, глядя куда-то за пределы квартиры, дома, города, да и самого мира, наверное. Отрывочные воспоминания конфетными фантиками разлетелись по комнате и медленно закружились в вальсе, притягиваясь друг к дружке глянцевыми картинками.

...Ещё совсем молодой Иван гладит голый живот жены, похожий на футбольный мячик, целует его приговаривая:

– Ну, когда же ты выберешься оттуда, мальчик мой?!

Будущая мама Света слегка поддразнивает:

– А может, это будет девочка?

Иван сурово сдвинул брови:

– Не... Я же старался, должен быть мальчик!

Света:

– Это как же ты старался, папуля?

Иван вздохнул и крикнул, готовясь выдать самую что ни на есть таинственную тайну:

– Ну, я всё время влево закручивал, потом 2 раза прямо и снова: Лево! Лево! Лево! Вот если бы наоборот, то там бы точно девочка сидела.

Света покраснела:

– Дурак! – нагнувшись к животу, шепчет, – какой же папка у нас дурачок всё-таки!

– Моё! Это моё произведение искусства. Произведение моего искусства, «пуффф», – Иван обхватил огромный живот и сильно дунул в него, – никому не отдам!

Света «ойкнула», ощутив сильный удар с внутренней стороны живота. Теперь и Иван отчётливо увидел пятку и даже попытался потрогать её, затем последовала серия мощных ударов.

Света погрозила пальцем:

– Тише ты, напугаешь!

– Не, не испугается. Потому что Он Мой! – Иван зарычал, имитируя пожирание живота.

– А я всегда знала, что ты будешь хорошим отцом, даже когда ты меня обидел, – улыбнулась Света.

– А когда это я успел тебя обидеть? – искренне удивился Иван, продолжая поглаживать ещё не родившегося ребёночка.

Света пристроила поудобнее свой огромный живот:

– А когда собрался из квартиры моих родителей из окна вылезать со словами: «Скажи отцу, что я на тебе женюсь». Мне так обидно стало – вот так предложение руки и сердца!

– Вот так да – обиделась! Но я же просто констатировал факт. Для меня это было само собой разумеющееся, а убежать решил, потому что твоя мама в самый разгар страсти ворвалась в комнату и долго бегала по ней, причитая и что-то бормоча. Неловко-то как! – Иван шутливо мотнул головой, сложил на груди руки и отвернулся.

– А мне всё равно обидно было! Но ты будешь очень хорошим отцом, я это точно знаю, – будущие родители обнялись.

Голубые фантики подхватили воспоминание, закружили и улетели в сторону, уступая место розовым.

...Счастливые родственники и молодой отец у родильного дома встречают маму с появившейся дочкой. К Ивану подошёл один из приятелей:

– А говорил, что мальчик будет. Ну ты и бракодел! Иван:

– Видимо, не докрутил чутка. Сейчас до дома доедем, и сразу примусь работать над ошибками – парень-то у меня по-любому будет!

Вновь вихрь фантиков, перемешанных с букетами, пелёнками, полевыми цветами и множеством приятных дел, закружил над лежащим с открытыми глазами Иваном.

...Пятилетняя девочка с болтающимися на бегу косичками подпрыгивает и что-то громко поёт. Забегает в кухню, выбирает конфеты из вазы и, пряча их за спиной, скачет в комнату:

– Мама-папа, в какой руке, в какой руке?

Иван пискляво подпевает:

– В другой руке, в другой руке! – обнимает обеими руками необъятный живот мамы-Светы, – Сашок, смотри какой он огромный! Там, наверное, сразу двое парней сидят!

Саша:

– Папа, правда?

– А ты сама послушай, как они пукают! – Иван убрал дочке лишние волосы за ухо и приложил щекой к животу мамы.

Сосредоточенно серьёзное лицо Саши вдруг вздрогнуло удивлением и засветилось от радости:

– Ой, правда, пукают!

Иван:

– А ты как думала? Девочки так не умеют!

Улыбнувшись, мама Света покачала головой:

– Выдумщики...

Саша весело засмеялась:

– Братики пукают!

Фантический хоровод, вобравший в себя множество счастливых моментов и жизненных ситуаций, замер в дрожащем воздухе, звон бокалов и смех стих, уступая место тишине.

Иван подъезжает к роддому, выходит из машины и видит, как Свету по улице ведут медсёстры, поддерживая под руки с обеих сторон. Света поддерживает свой живот. На голову и плечи накинуто синее больничное одеяло, на которое падает и не тает первый октябрьский снег.

Иван быстро подбежал к процессии:

– Света, куда это тебя ведут?

Света едва шевелит пересохшими губами:

– В старое здание. В новом отопления нет.

Ранняя осень бодрила свежестью и ожиданием нового человека – очередное УЗИ подтвердило, что родится мальчик – продолжатель рода! Началось приподнято-радостное хождение взад-вперёд возле дверей здания. Время летело незаметно, и отец продолжал наматывать круги в предвкушении радостной встречи с сыном:

– Значит, так. Сегодня 8 октября 2002 года – Явление Петра! Давай побыстрее там, Пётр Иванович! Заждался я тебя уже что-то!

Двери старого здания скрипнули и открылись – медсёстры, поддерживая Свету под руки, вывели её из здания.

– Что случилось-то?

Не дождавшись ответа от измученной жены, Иван пошёл рядом. Все его вопросы сопровождающим оставались без ответа, пока процессия не достигла нового родильного отделения.

– Вы лучше нам на крыльцо подняться помогите, одеяло придерживайте. В старом здании тоже отопление отключили – обратно идём!

Иван терпеливо ждал, но уже начинал потихоньку волноваться. Он выходил из приёмного отделения, наматывал десятки метров бесполезного пути и заходил обратно. Периодически подходил к справочному окошку, узнавая о текущем состоянии дел. Прошло уже несколько часов ожидания, но ответ не менялся:

– Новостей нет. Всё ещё рождает!

Время перестало быть добрым. Оно изменилось и потекло гораздо медленнее. Иван ходил по комнате ожидания, грыз ногти, смотрел на часы, ощущая необычное чувство тяжести в самом себе. Он заметил, как проникнувшее в душу беспокойство обретало вес и быстро росло:

– Извините ещё раз, пожалуйста, как там дела у Леденцовой Светланы?

Медсестра позвонила по телефону и улыбнулась:

– Всё хорошо. Поздравляем – у Вас мальчик!

Беспокойство стремительно самоликвидировалось, не оставив ни малейшего следа, как будто не было даже тени переживаний:

– Спасибо, я знаю, что мальчик!

Иван выпрямился и впустил в себя предвкушение настоящего счастья, а сотрудница из окошка добавила пару ложечек мёда:

– Состояние обоих нормальное. Ждите, сейчас к Вам выйдут и скажут подробности.

Иван выдохнул жалкие остатки неопределённости. Теперь радостная дрожь, с барабаницами в первых рядах, бодрым маршем занимала пространство всего тела. Тепло свободно растекалось по артериям и венам, заполняя мельчайшие капилляры, а невидимые труженики организма, благодаря воодушевлённым нейронам, растянули рот в блаженную улыбку. Иван наклонил голову, чтобы никто не заметил выступивших слёз (мальчики не плачут!), сильно сжал кулаки и потряс ими перед собой:

– Сынок!!!

Прошёл ещё час тишины. Иногда человек в белом показывался из-за двери, но выкрикивал чужую фамилию, и Иван послушно опускался на лавку. После очередного «холостого выстрела»:

– Петрова! – Иван осторожно подошёл к знакомому окошку. – Извините. Про меня, наверное, забыли – Леденцова.

Медсестра подняла брови:

– А к Вам разве ещё не выходили? Странно...

Медик позвонила, назвала фамилию, подождала...

Переспросила, пожала плечами и перезвонила кому-то другому. Что ей ответили на том конце телефонной линии, Иван не слышал, но он увидел, как лицо медсестры заметно заострилось и стало тревожным. Тревога ударила под ребро колоколом взволнованного сердца, десятикратно усилилась, пробежала по лицу Ивана и превратилась в беспокойство.

– И что делать? – медработник покачала головой, прислушиваясь к абоненту на другом конце провода. – Ну, я не знаю... – опустила телефонную трубку на рычаг и обратилась к Ивану, – посидите, к Вам выйдут.

Иван отчётливо осознавал нестыковку вопросов и ответов этого телефонного разговора:

– Но ведь всё в порядке?

Медик не проронила ни слова.

Голос Ивана предательски дрогнул:

– Вы мне сказали, что всё в порядке. Родился мальчик...

Медсестра хранила молчание. Быстро взглянув на Ивана, она отрицательно покачала головой.

Сердце уже всю отбивало набат, загоня бурлящую кровь в растерянную голову:

– Что – нет? Не говорили?

Сотрудница по-прежнему рассматривала стол:

– К Вам сейчас выйдут.

Такого поворота Иван даже представить себе не мог. Теперь он ощутил на себе избитое выражение «колени подогнулись от страха». Они действительно подогнулись, а всё его тело

трясло. Предательски занял низ живота, как будто мгновенно весь организм дал системный сбой. Несмотря на навалившуюся слабость, сидеть Иван не мог, лежать не было возможности, стоять толком не получалось. Прислоняясь к двери, углу или стене, Иван болтался в тесном пространстве, на физическом уровне ощущая несправедливость и нереальность происходящего с ним. Он отчётливо помнил, как спокойно сказал жене: «Не бойся, все же рожают, и ты родишь», – когда та собиралась рожать дочку. Приблизительно так он относился и ко вторым родам: «Это примерно так, как в армию сходить, – только быстрее и результат на лицо!» А тут из подсознательных глубин растерянного рассудка вылезло незнакомое доселе состояние всепоглощающего ужаса от предчувствия уже случившейся катастрофы, известие о которой от него пытаются скрыть. Страх намертво скрутил душу, заставив дрожать безвольное тело.

Это тело постоянно смотрело на часы, стрелки которых застыли на месте, и лишь самая тоненькая, секундная стрелка пыталась имитировать течение жизни. «Ожидание смерти подобно», – фраза возникла ниоткуда и совершенно не к месту и, не находя выхода, закружилась в черепной коробке. Иван лихорадочно тряс головой, пытаясь прогнать или заглушить эту дурацкую, глупую и неправдоподобную мысль, тут дверь открылась, и за ней показалось беспокойное лицо врача:

– Кто здесь про Леденцову спрашивал?

Иван попытался натянуть уверенную улыбку на искажённое страхом лицо:

– Это я. Мне сказали, что жена родила мальчика, с ними всё в порядке... – Иван заметил, что врач начала отрицательно качать головой, но он продолжал, не останавливаясь, скоропалительно, как из автомата. – Мне сказали подождать Вас, чтобы узнать подробности. Вот, я дождался. Сейчас узнаю.

Врач молча продолжала качать головой слово «Нет».

Иван почувствовал каждый волос на своей голове – все они были лишними и мешали сосредоточиться:

– Что – нет? Не мальчик? Но нам на УЗИ несколько раз говорили, что мальчик!

Доктор сострадательно, даже нежно:

– Вы не волнуйтесь, пожалуйста, пройдёмте сюда, – впустила в длинный коридор и прикрыла дверь.

Едва сдерживая слёзы, Иван попытался зацепиться за собственные слова:

– Девочка родилась, да?

Доктор отвела взгляд в сторону:

– Нет. Что Вам сказали?

Пол реально поплыл в сторону, а туловище Ивана продолжало висеть перед доктором:

– Мне сказали, что родился мальчик. Что всё нормально, – голос сильно дрожал, – а кто родился?

Доктор:

– Вы нас извините, пожалуйста. Вам неправильно передали информацию.

– Как... – Иван почувствовал, что невидимые руки крепко сжали его горло, мешая словам выбраться наружу. – Никто не родился, что ли?

Доктор:

– Нет. Сотрудники фамилию перепутали. Ещё раз извините нас, пожалуйста. С супругой Вашей всё в порядке. Пытается родить сама, но пока не получается. Вам сообщат, как родит.

Иван кивнул и попытался ухватить крутящиеся стены:

– Спасибо. Я подожду.

Полностью выпотрошенный, словно рыба, ожидающая, когда нагреется сковородка, Иван вышел из коридора, осторожно нащупал лавку, сел на неё и умолк. Вот тут ручные часы, часы на стене и все часы мира дали сбой, и время остановилось. Совсем. Двери часто открывались

и так же часто закрывались, показывались лица врачей, называющих фамилии рожениц, радуя счастливых ожидающих.

Несмотря на остановившееся время, ещё четыре часа всё крутилось и вертелось каким-то замысловатым хороводом, периодически выдавливая стон из сжатого комка ужаса, который недавно был Иваном.

Громкий голос:

– Леденцова.

Иван механически встал и устремился к приоткрытой двери.

Доктор:

– Трудно всем было. Восемь часов рожала, но Света молодец, не кричала совсем, хоть мы и говорили, чтобы покричала, не стеснялась. Некоторые мамки, знаете, как матом орут? – доктор искренне улыбнулась. – Поздравляю, у Вас мальчик.

Сдерживаемые страхом слёзы прорвали невидимый барьер и хлынули из глаз Ивана:

– Спасибо!

Доктор:

– Я ещё раз прошу прощения за нашу ошибку, заставили Вас понервничать. Мамочка сейчас в порядке, уже покормила, сынок – богатырь, четыре сто весит! Только вот палата холодная очень. Не могли бы Вы приобрести масляный радиатор и завтра привезти его нам, на время?

– Да, могу!

Иван вышел на улицу и наполнил лёгкие вечерним воздухом средней осени. Конечно, могу! Папа может! Папа всё может! Теперь я лёгкий, невесомый, всемогущий, готовый целовать этот приветливый добрый и радостный мир, полный любви и счастья!!! СЫН родился!

Стрелки часов ожили, разбудив застывшие конфетные фантики, которые весело зашелетели, помогая времени отсчитать минуты до следующего утра.

...По больничному коридору вразвалочку шла полноватая медсестра, ведя за руку пятилетнюю девочку:

– Ну, чего, ждёшь братика-то? Сейчас увидишь своего братика! Где там папа-то отстал?

– Я здесь! – Иван, с видеокамерой в одной руке и с батареей в другой, подошёл к двери в палату.

Медсестра:

– Вот тут они. Потихонечку проходите, они там не одни.

Дверь скрипнула, впустив нечаянных посетителей, и радостная дочка бросилась к маме в объятия.

– Как хоть вас пустили-то сюда? Никого же не пускают! Как это вы прошли? – Света заплакала от нежданно скорой встречи. – Не надо меня снимать, хватит, сына снимай.

– Я всё снимаю!

Иван перевёл камеру на просыпающегося сынка. Крупным планом выделено лицо нового человека. Он просыпается, шевелит губами, хмурится и причмокивает.

– На папу похож! Здравствуй, Петя! Я твой папа! – радость витала в воздухе, проникая в самые забытые уголки палаты, отталкивалась от стен, кувырчалась, играя на всех струнах души одновременно. – Большой-то какой! Волосатый! И бровки как папа делает, молодчина!

Света:

– Ага, похож! А вчера мне на второе кормление казаха маленького принесли, говорят: «Вот, мамочка, кормите сына» ...

...Совершенно другой, потухший, потерявший искру голос Светы заставил вздрогнуть лежащего на кровати Ивана:

– Ваня, есть будешь?

Фантики превратились в пепел и покрыли собой всю комнату.

Иван:

– Нет. Не хочу. А ты помнишь, какой Петя волосатый «богатуй» родился?

Света присела на край кровати:

– Да, все говорили, что богатырь, а при выписке ещё сто граммов набрал, хотя многие худеют – четыре двести!

Иван:

– А помнишь, как тебе казаха на откорм принесли? Света засмеялась и вытерла слёзы:

– Да, ещё убеждали, что это и есть мой, я раза три повторила – они ни в какую. Но своего-то я всегда узнаю!

– Тем более я не совсем казаха, – Иван поднялся с кровати. – Пойдём, чай попьём.

Иван отхлебнул маленький глоток из парящей чашки:

– Горячий. А Петька-то какой молодчина, а?

Света кивнула головой и провела пальцем по фото сына.

Иван подул в чашку и, обжигаясь, сделал большой глоток:

– Так что делать-то??

Света:

– Я не знаю.

– Так надо же что-то делать! А, Петя? – взял в руки деревянную рамку с Петинной фотографией. – Что делать-то, сынок??

Света собралась на работу:

– Пока.

– Пока.

Какое-то время Иван молча сидел за столом, уперев взгляд на Петю, запертого в деревянной рамке, затем тряхнул головой, будто стряхивая оцепенение, и поднялся:

– Думаю, пора!

Забравшись на табурет, он открыл антресоль, методично скинул приготовленные ранее вещи на пол, а затем неспешно сложил их в рюкзак. Большое полотенце, две пары носков и трусы нашли своё место в пакете и отправились к той части рюкзака, где ляжки.

– Помягче будет! – бормотал Иван.

Далее последовали туристический топорик, резиновые сапоги, капроновая верёвка, швейцарский нож, охотничий нож в чехле, несколько банок рыбных консервов, тушёнка, хлеб, три бутылки водки и три полторашки питьевой воды. Несколько коробков спичек Иван разложил по разным местам:

– Куда же без них?

Какое-то время он сидел, тупо уставившись на собранный рюкзак, затем взял ручку, написал что-то на листе бумаги и, аккуратно сложив, убрал в шкаф с документами. Быстро надел костюм защитного цвета с широким армейским ремнём, обошёл всю квартиру и прихватил со стола записную книжку.

– А как же, сынок? Будем писать. Мы же с тобой те ещё писатели-сочинители! – присел на лавку. – Давай посидим на дорожку. Ну, ладно, пора... Всем пока! Живите дружно! – Иван захлопнул входную дверь и, не оглядываясь, зашагал вниз по лестнице.

Машина такси медленно преодолевала дорожные препятствия. Битый час она плелась по узкой раздолбанной дороге, словно вырезанной в лесу дрожащим ножом пьяного мастера. Таксист искоса поглядывал на Ивана, но тот не обращал на него никакого внимания. Весь его вид выражал спокойствие, почти отрешённость.

– Вы можете сказать конкретно, куда Вам нужно? – таксист заметно нервничал.

– Мне нужно прямо. Скоро приедем, – через грязное стекло Иван равнодушно смотрел на нетронутый человеком лес.

То ли таксист не выспался, то ли думал о чём-то плохом, но он был явно не в духе:

– А деньги точно есть?

Иван молча кивнул головой. Водитель провёл рукой по потному лбу и выключил радио. Теперь ничто не мешало слушать скрипящие, ревушие и скрежещущие жалобы на дорогу его железной кормилицы.

Спустя несколько минут Иван нарушил монолог старенького авто:

– Вот тут можете остановить.

– Здесь? – удивился таксист.

– Да, здесь.

– Прямо здесь? – извозчик удивлённо смотрел на Ивана и за окно, за которым, с его точки зрения, не было ничего соблазнительного для молчаливого, а значит странного пассажира.

Иван:

– Да, в любом месте. Где удобнее, пожалуйста.

Таксист резко остановил машину:

– Пожалуйста. За Ваши деньги – любой каприз!

– Спасибо большое! – Иван протянул деньги.

Таксист изумлённо покрутил купюры в руках:

– Но здесь слишком много.

– Да нет, всё нормально, спасибо! – Иван вышел из машины и быстро спустился в расплывшуюся, заросшую чепыжами канаву, которая когда-то была дренажной.

– Вам спасибо, – таксист проводил взглядом пассажира, скрывшегося в чаще, развернул автомобиль в обратную сторону и весело запел, – никогда не угадаешь, где найдёшь, где потеряешь!

Не догонишь никогда! Не догонишь никогда!

Первый осмелевший луч солнца пробился сквозь небесную брешь, миновал взволнованную крону дерева, увлекая за собой несметное воинство товарищей, преломился самым затейливым способом, образовав тысячи пляшущих теней. Лучи многократно отражались от всего, на что попадали, создавая невиданную иллюзию волшебного леса – как будто сама земля и деревья излучали небесный свет.

– Не догонишь никогда!

Всё тот же лес и то же самое время, но что-то было не так, что-то изменилось в самой атмосфере. Побритый и бодрый Иван в чистой спортивной одежде весело гнался за убегающим сыном:

– Ты чего такой быстрый-то? Думаешь, убежишь от меня? А-а-а?! От меня ещё никто не убежал – догоню и сожру!

Иван попытался схватить сына за ветровку, но тот с лёгкостью выкрутился.

– Не догонишь никогда, не догонишь никогда!

– Не догонишь, не догонишь! – ожившее эхо быстро разнесло многоголосье по волшебному лесу, по которому отец летел вслед за ускользающим сыном.

Из-под Петиных ног вырывались и взлетали вверх ослепительно яркие брызги, обжигая Ивана своим задором. С лёгкостью мотылька он перепрыгивал бурелом, валежник и коряги:

– Догоню и сожру вкусного сынка. самого вкусного русского сынка!

Неожиданно вся лёгкость исчезла. Тело будто налилось горячим свинцом, Иван споткнулся и упал навзничь в болотную лужу. Картинка леса утратила все прежние краски и чувства, став грязно-серой, как небритое лицо Ивана с выцветшими и пустыми глазами в провалившихся глазницах.

И правда, лес изменился до неузнаваемости. Редкие чахлые деревца ютились на жалких островках земли, остальная поверхность была плотно покрыта толстым одеялом зелёного мха. Грязный, оборванный Иван шагал вперёд, выдавливая из-под кочек чавкающую жижу. Вереницы пузырей выбирались на белый свет и лопались с болотным зловонием, отмечая каждый шаг путника, потерявшегося во времени и пространстве. Никаких мыслей не было – он просто шагал вперёд, слушая бурлящее пение болота. Наконец Ивану удалось оторвать взгляд от собственных ног:

– Петя, а где же наш ручеёк?

Насколько хватало глаз, простиралось настоящее болото, где деревьям не было места, лишь жалкие кустики тут и там радовали своим присутствием мохнатые кочки.

– Прости, сынок, – Иван попытался сплюнуть, но лишь облизал губы пересохшим языком, – вот тебе и вывел нас ручеёк к людям. Это мне отец так рассказывал, когда я маленький был... , похоже, что это была теория, а сейчас наступила жестокая реальность, – с трудом вытаскивая сапоги из вязкой субстанции, Иван медленно продвигался вперёд, – попали мы с тобой, Петя, по самое не хочу. Ты главное на сухом месте оставайся!

С огромным трудом Иван добрался до возвышенности, вылил воду из сапог, смочил горло родниковой водой и огляделся. Вдалеке однотипный пейзаж болота слегка разбавляли торчащие из воды мёртвые деревья и полуживые берёзки. Подгоняемый чем-то необъяснимым, Иван поднялся на ноги, взял в руки длинную палку и, едва переведя дух, шагнул вперёд, нацелившись на островок с чахлыми берёзками. Не успевая перемешиваться с вновь поступающей жидкостью, в сапогах зачавкала и нагрелась вода – идти стало совсем не вмоготу, но Иван видел цель перед глазами и упрямо шёл к ней. Когда до островка оставались считанные метры, он почувствовал, что проваливается в трясины. Сделав несколько хаотичных движений, Иван погрузился по самую грудь.

– Похоже, это всё, ...лять... или не ...лять? Вот в чём вопрос! – Иван положил палку перед собой, опёрся на неё, но, едва уйдя под воду, гнилуха сломалась. Из чрева болота то там, то здесь вырывались и лопались пузыри, а измождённое лицо человека растянулось страшной гримасой улыбки.

– Это писец... крыльями машет! – Иван часто и тяжело дышал, но не переставал болтать. – Писец не промажет... Ждал, ждал этого, а теперь дёргаюсь, как куропатка в силке. Смешно же, право!

Спустя время, Иван сложил перед собой руки и тихонько опустил на них голову...

«Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони...»

Сон? Явь? Обрывки воспоминаний? Мечты? Всё смешалось на последнем рубеже чудесного королевства с простым названием «Жизнь». Ну, вот же оно – море! Всё настоящее, реальное, можно потрогать – солёное, сами попробуйте. Пляж из крупной, заботливо обработанной водой и временем гальки.

Огромные волны каким-то чудом не доставали до сидящего на пакете Петруши, прицельно кидающего камни в их вспененные гребешки: кто кого? Метрах в пяти позади стояла инвалидная коляска, на расстеленном одеяле спортивный рюкзак и прочие вещи ожидали возвращения своих хозяев. Иван стоял в воде по самые колени и снимал на камеру мелькающих над волнами чаек, волны временами захлёстывали его до груди, но при жаре в 30 градусов это радовало: так вот ты какой, Ламанш!

– Эй, папа!

Иван обернулся на крик и увидел, что волна добралась до их лежбища, едва не сбросила сына с пятой точки и нехотя отступила.

– Ничего, сынок, обсохнем!

Через минуту по пляжу пробежал гул. Краем глаза Иван увидел, как люди бросились от воды – к берегу стремительно приближалась огромная волна, каких раньше не было.

– Петя, отползай сам наверх! – Иван изо всех сил бежал к сыну, осознавая, что никак не успеет.

Едва он отбросил видеокамеру на высокий берег, как волна сбила его с ног, вспенилась, накрыла с головой уползающего вверх Петю и потащила обоих в море.

Вокруг бурлил океан пузырей, перемешанных с крупными камнями. В этом диком, ревущем, беснующемся хаосе Иван нащупал сына, ухватил его покрепче и попытался подняться на ноги, но очередная волна свела на нет все усилия. Сопrotивляясь стихии и не имея собственных сил поднять голову над водой, Иван болтался в приливном-отливном буйстве, держа руки с сыном как можно выше, отчаянно надеясь, что Петина голова находится на поверхности.

Наконец Ивану удалось пополнить запас кислорода в крови – он вернул себе дар хождения. Крепко прижимая к себе возбуждённого сына и тяжело дыша, он выбрался на берег. Не в силах разжать объятия, Петя мёртвой хваткой держался за шею отца.

– Папа, а круто было! – воскликнул мокрый, дрожащий, но самый счастливый человек на земле.

Адреналин играл Петиними чувствами, заставляя мышцы пульсировать. Так вот ты какой, Ламанш...!

Картинка с морем исчезла, но тут же появилась другая. Иван плыл по широкой и спокойной реке, Петя лежал на спине у отца, держась руками за шею, а рядом всеми своими четырьмя лапами загребал воду любимец семьи Читтер.

Иван:

– Сынок, помогай мне. Работай ногами, брассом.

Петя:

– Папа, я забыл, как это – брассом?

С очередным гребком Иван высунул лицо из воды:

– Это по-лягушачьи, ты же лягушонок.

Петя быстро задрогал ногами:

– Значит, ты жаба!

Иван:

– Нет, это мама у нас жаба, а я взрослый самец Лягуш!

Не оставив без внимания такое отношение, Света отозвалась с берега:

– Сами вы жабы, я принцесса лягушка!

Иван шумно выдохнул в воду:

– Принцессы не квакают! – и обратился к сыну, – Петя, а зачем ты мне горло так сжимаешь? Мне немного трудно дышать, ослабь хватку, а то ещё утону... Вон и Читик еле дышит, захлёбывается уже! Забирайся на Петю, Чит!

Иван рукой подтолкнул собаку к единственному спасительному островку – спине сына.

Петя заверещал и ещё сильнее сжал горло отца:

– А-а-а, Чит, ты ногти когда последний раз подстригал?!

– Ну, вы утопите меня, инвалиды хреновы! – под бульканье размытых пузырей голова Ивана скрылась под водой...

...Очередной рассвет вычертил картину знакомого болота. Иван приподнял голову и аккуратно переложил её на другую сторону:

– Всё будет хорошо... Или не будет... да, Семёныч?

Под пение птиц и серенады лягушек Иван медленно возвращался к действительности, попутно замечая, что к болотной какофонии добавилось что-то новое, едва уловимое, и это нечто постепенно проявилось нестройным перебором гитарных струн. Иван поднял голову со своего уютного ложа: прямо перед ним на островке с тремя чахлыми берёзками сидел Высоцкий в голубых джинсах и рубашке с закатанными рукавами. Высоцкий зажал баррэ на гитаре, внимательно посмотрел на проснувшегося Ивана и улыбнулся:

– Да не ссы ты, конечно, будет. Всё будет! – слегка поднастроил гитару и запел:

«Вдоль обрыва, по-над пропастью,
по самому по краю,
Я коней своих нагайкою стегаю, – погоняю,
– Что-то воздуху мне мало, ветер пью,
туман глотаю,
Чую, с гибельным восторгом —
пропадаю, пропадаю!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть...»

Следующие строчки изменили тональность и зазвучали с реверсом, как будто звучали в пустом зале:

– Но что-то кони мне попались привередливые, и дожить не успел, мне допеть – не успеть!

Иван вновь поднял опустившуюся голову и увидел, что Петя сидит рядом с Высоцким и подпевает ему. От них и от самого островка исходил нежный золотистый свет, переходящий в ярко-голубой и ещё выше – в нестерпимо слепящий. Иван зажмурился. Вокруг уже не было никакого болота, не было совсем ничего, только они на этом острове из Света, Музыка и Голоса. Иван уселся рядом, обнял Петю, поцеловал:

– Вот ты где, сынок! – и запел одними губами. – Я коней напою, я куплет допою, хоть немного ещё постою на краю...

Небо потемнело и быстро прояснилось, как будто кто-то моргнул, перелистнув прочитанную страницу.

Машина Ивана стремительно летела по мегаполису. Слезы безжалостно размывали проносящиеся мимо фонари, фасады и рекламу ночного города, а из динамиков что есть мочи Высоцкий:

«Сгину я, меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.

Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь
к последнему приюту...»

Голос из навигатора:

– Вы прибыли к месту назначения.

Иван быстро припарковался и побежал вперёд, пока не уткнулся в огромный баннер перед зданием: «НИИ нейрохирургии им. академика Н. Н. Бурденко». Фонари не справлялись со своей задачей – всего в паре метрах от баннера господствовала непроглядная ночь. Солёная влага лица, перемешиваясь с ледяным дождём, бесследно исчезала на чёрном асфальте. На секунду остановившись, Иван проверил содержимое папки с документами и устремился на крыльцо. Всё это время песня не умолкает. Она звучит в голове, в небе – везде... из каждой ступеньки больничного крыльца, из всякой звезды Млечного пути раздаётся:

«Мы успели, в гости к Богу не бывает опозданий,
Так что ж там ангелы поют такими
злыми голосами.
Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли
так быстро сани...» —
голос постепенно затихает, до шёпота:
«Я коней напою... Я куплет допою...
Хоть мгновенье ещё постою на краю...»

Буквы на баннере перемешались и поменяли свой цвет. Теперь на нём горела надпись:

Много лет назад. В той жизни

Кабинет детского невролога в поликлинике принял маленького пациента и его маму. Доктор Воронова смачно зевнула, не утруждая себя прикрыть рот рукой, – так ей все эти жалобы уже надоели:

– Ну, чего Вы, мама, всё ходите ко мне? Голова у ребёнка и должна болеть, это возрастное, всё пройдёт, я же Вам это говорила уже!

Света:

– Но ребёнок стал уставать очень быстро, а раньше...

– На то он и ребёнок, чтобы уставать, – нетерпеливо перебила врач, – бегают много, играет, вот и устаёт.

Света затараторила, торопясь сказать, пока снова не отфутболили:

– Мы всех врачей прошли, что Вы нам в прошлый раз написали, трубку глотали, везде всё в норме, но Петя почти совсем перестал есть, и рвота иногда по утрам случается. Не писает утром. Что это ещё может быть?

Воронова:

– Да ничего это не может быть. ЭГГ сделали?

– Сделали.

– Ну и молодцы! Приходите через полгода, если не пройдёт. Дети растут, так бывает, – широченно зевнув, эскулап на 2–3 секунды остаётся с распахнутым ртом. Наконец, «окно» закрывается, а вместе с ним заканчивается и приём, – до свидания!

...Петю сильно рвёт в садике на выпускном, качает из стороны в сторону. Иван и Света уводят его домой. Сын сильно похудел, но лето, проведённое на даче, выдало ребёнку резервные силы. Пришла эпохальная осень – первый раз в первый класс. Почти сразу Ивану позвонили из школы:

– Приходите побыстрее, пожалуйста, с Петей что-то не так.

Медсестра:

– Мы так испугались! На уроке Петя побледнел и, кажется, в обморок упал на пару секунд. Давление померили, очень маленькое было. Жаловался, что голова болит, а теперь вот молчит.

По дороге домой хмурый отец держит сына за руку:

– Что, Петя, голова болит?

Петя пожал плечами:

– Не знаю. Может, немножко уже.

– Ну, раз немножко, то, может, отдохнёшь, и в гараж сходим? Давно мы вместе никуда не ходили, ты соней-засоней стал.

– Ну, давай сходим.

Спустя час ребята собирались на улицу.

– Папа, папа, смотри, у меня получилось! – Петя с гордостью показал зашнурованный на бантик ботинок.

Иван:

– Ты молодчина! Я, помню, дольше учился, никак не выходило.

– Вот смотри, я и второй уже завязал! – Петя радостно демонстрировал аккуратные бантики на кроссовках.

Иван:

– Конечно, тебе проще! Ты же со всякими верёвочками не расстаёшься, постоянно что-то плетёшь из них.

Довольные собой и тёплым деньком, а самое главное хорошим самочувствием, папа и сын вышли на улицу. Петя, едва сбежав с крыльца, сорвал длинные травинки и на ходу сплёл их косичкой.

Иван:

– Петь, кто хоть тебя научил-то этому?

Петя:

– Никто, я сам. Просто мне очень нравится плести. Иван открыл гараж:

– А узлы разные умеешь вязать?

Петя:

– Нууу, не знаю!

– Меня отец в детстве учил вязать всякие. И морские, и ещё какие-то сложные узлы, правда, я подзабыл почти все... Здесь верёвок много – будем вспоминать, пока времечко есть! – Иван взял моток спутанной верёвки, – например, попробуем завязать узел на этой... – крякнул, пытаясь зубами нащупать нужную сторону...

Петя дополнил:

– Верёвке.

– Да. Но для того чтобы завязать один узел, сначала нужно развязать все узлы. Этим мы сейчас и займёмся. На-ка, держи этот конец, мой мальчишка-молодец! – Иван попятился, распутывая запутанный моток.

Свет снова померк, а настойчивый голос Пети произнёс слово «Верёвка».

Верёвка

Свет включился знакомой картинкой с золотистым островком.

– Верёвка! – повторил голос.

Иван сидел с опущенной на грудь головой и не подавал признаков жизни. Петя толкнул отца в бок:

– Папа, ты защебил, что ли? У тебя есть верёвка!

– Сам ты защебил, верёвочник ты хренов! – Иван встрепенулся и, дурачась, напал на сына.

Петя вместе с отцом скатился в воду:

– Ах ты, каракатица! Сейчас я тебя забору!

– Петя, вылезай, это болото! – внезапно спохватился Иван.

– Ну и что? – Петя улыбнулся, поднялся на ноги и побежал по воде, – попробуй, догони!

Хрустальные брызги разлетались во все стороны и, превратившись в невесомые пушинки-огоньки, медленно оседали на поверхность болота, на плечи и голову Ивана, добавляя волшебства в этот и без того чудесный мир. Иван стоял по колено в воде и зачарованно смотрел на сына:

– Петя, а почему ты сухой, а я весь мокрый?

– Пап, просто ты не веришь, что это возможно, вот тебя вниз и тянет. Забудь о силе тяжести, о притяжении, обо всём – его нет, ничего нет, просто до-го-ниии! – улюлюкая, Петя помчался по поверхности болота.

Иван аккуратно поднял ногу и попытался поставить её на воду, потом ещё и ещё, но все усилия были тщетны – устоять на поверхности никак не получалось:

– Да, блин, как же это?

Петя дразнил отца, пританцовывая рядом с ним:

– Забудь про всё, только догони! Догони меня – догони меня!

– Ну, хорошо, сынок, классно пляшешь! Ты только чуток поближе подтанцуй, а то я тебя плохо слышу.

Едва Петя подошёл к увязшему по колено Ивану, как тот с диким рёвом прыгнул на него. В последний момент сын увернулся, и отец, упав на живот, заскользил по поверхности воды, как жирный тюлень по тонкому льду. Иван громко захохотал и вскочил на ноги, но тут же слегка погрузился в воду. Присев на корточки, он оперся ладонями о поверхность воды впереди себя и резким толчком перенёс ноги вперёд. Таким нелепым галопом, как-то боком, не разгибая спину и всё меньше проваливаясь, Иван нёсся на Петю, и глаза его сияли от восторга.

Петя захлебнулся от смеха:

– Папа, ты скачешь, как макака!

– Не ври! Я самец лютой гориллы! – в яростном прыжке отец поймал сына и сгрёб его в охапку.

Ребята кубарем покатались по упругой поверхности воды, подняв миллионы золотых брызг. Радужные волны, соучастники светлой радости, разбежались в разные стороны, приглашая весь мир присоединиться к веселью.

Иван присел на воду, словно на резиновый мат, и осмотрелся:

– Петя, красотища-то здесь какая!

Удивительная птица заглянула Ивану в глаза, затронув и без того дрожащие струны души, вертикально взмыла вверх и растворилась в слепящем свете.

– Как во сне, просто... – шептал Иван, – я раньше во сне по-всякому летал, аж дух захватывало, и сверху всё видел, как на ладони. Сначала руками махать учился, с горки, с балкона

парил, а потом так взлетать научился, с земли прямо. Надо сейчас попробовать! – Иван поднял руки и рассёк ими воздух.

– Папа, ты про верёвку не забыл? – в голосе сына звучали настойчивые нотки.

– Петь, да на хрена тебе верёвка эта сдалась? Посмотри красотища-то здесь какая! Давай останемся – шалаш сделаем!

Петя:

– Конечно, сделаем. Только позже, сейчас верёвку нужно вытащить. Она у тебя в рюкзаке, за спиной.

Иван посмотрел себе за плечо:

– Да нет у меня ничего!

– Не туда смотришь, ты сюда посмотри! – Петя вытянул руку в сторону.

Иван посмотрел в указанном направлении и брезгливо поморщился – совсем рядом с ними из трясины торчала верхняя часть туловища человека, увязшего в болоте. Голова в грязной кепке защитного цвета покоилась на сложенных руках, на плечах виднелись лямки от рюкзака, всё остальное было скрыто водой и покровом болотной растительности.

– Зачем он здесь? – Иван наклонился и, заглянув утопленнику в лицо, с отвращением отпрянул, – так это я, что ли?! Так неприятно... Петь, пойдём на другую сторону!

Петя:

– Папа, ты вообще не понимаешь, что ли? Тебе верёвку вытащить нужно!

– Сынок, да ничего мне не нужно, я же тебя нашёл! – Иван приплясывал на желеобразной поверхности, делая вид, что убегает, он приглашал сына к продолжению наконец-то начавшегося веселья. – Теперь ты догоняй!

Петино лицо стало очень серьёзным, и зародившаяся было улыбка замерла на лице Ивана.

– Папа, вытащи верёвку из рюкзака!

Резкий порыв ветра пролетел над болотом, сдувая волшебные краски окружающего мира. Вокруг заметно посерело.

Почувствовав, что поверхность больше не держит его, Иван провалился в трясину до самых подмышек. Громкий шёпот Пети, потеряв радостные нотки, звучал совсем по-другому. Минувя ухо, шёпот проникал прямо в голову: «Папа, нужно вытащить верёвку! Хватит спать!»

Иван резко открыл глаза и приподнял голову. Прямо перед ним был островок суши с тремя чахлыми берёзками, а вокруг раскинулось унылое серое болото. Пошевелив онемевшими пальцами рук, Иван подумал про свои ноги, но их будто никогда и не существовало, во всяком случае, он их не чувствовал, как не ощущал ничего ниже своего пояса. Кое-как Иван стянул лямку с плеча и, с огромным трудом передвинув рюкзак поближе к груди, вытащил из него моток верёвки. Затем он опустил руку в ожившую булькающую жижу, достал из-за пояса топорик и, сделав петлю на конце верёвки, затянул её посередине железного топорика, там, где заканчивалась резиновая рукоятка, а другой конец обмотал вокруг шеи. Вода была уже под самым горлом, но Иван был занят и не обращал на это внимания. Размахнувшись, он метнул приспособление в сторону берёз. Топорик плюхнулся в грязь всего в трёх метрах. Недолёт. Вокруг забурлило особенно сильно. Краешком сознания Иван понял, что это его последняя попытка. Что есть силы он метнул топор и ощутил, что тонет – вода бурлила под самым подбородком и заливалась в рот. Суеты не было, напротив, пришло состояние умиротворения – мозг задремал, но тело Ивана не успокоилось, оно перешло в автономный режим.

Руки нащупали верёвку на шее и начали выбирать её на себя.

Островок жил своей жизнью. Стрекозы отдыхали от трудов на его былинках, юркие ящерицы охотились на зазевавшуюся мошку, ничто не менялось и не могло помешать идиллической картине жизни. В самом центре этого мира расположились три маленькие берёзки, которые росли из одного корня. Видимо, несколько лет назад, по распоряжению неведомой силы,

которая за всё в ответе, молодая берёзка утратила свою точку роста, уступив место трём другим веточкам, и теперь они тянулись вверх торопливыми макушками, пытаясь постичь своё истинное предназначение. Прямо за ними лежал туристический топорик с верёвкой на рукоятке. Верёвка легонько дёрнулась, и топорик послушно пополз за ней следом, чтобы через мгновение застрять между искривлёнными стволами...

Знал ли кто-то главный, что так и будет, что так должно было быть, или это простая случайность? Ответ на этот вопрос люди искали с самого рождения и всегда выбирали тот, что им ближе.

Тело Ивана использовало скрытые ресурсы и медленно продвигалось вперёд, наматывая освободившуюся часть верёвки вокруг руки. Некое движение, и тело подтягивалось вперёд на несколько сантиметров. Пауза. Снова вперёд. Отдых... Сколько времени занял весь путь и присутствовало ли оно там вообще, это время, определить не было никакой возможности, да и определять было некому, да оно и не имело значения – важен был результат. Мозг снова взял освободившееся тело под свой контроль и грубо бросил его на сушу.

Иван почувствовал, как кровь стремительно устремилась к нижним конечностям. Это не было покалыванием или жжением. Это была настоящая боль, когда кровь, словно поток горной реки, разрывает берега пересохших вен, ломает протоки сузившихся капилляров. Вода кипела внутри заледеневших ног. Нейроны молниеносно передали сигнал бедствия друг по дружке наверх, но боль была такой сильной и яркой, что мозг не смог справиться с этой проблемой – Иван застонал и отключился.

Мокрый грязный человек вновь нашёл себя сидящим у кривых берёзок, сапог на нём не было, синие ноги сочились красными дорожками кровавых подтёков. Дрожащей рукой он вынул из кармана мокрый коробок спичек, который сразу развалился в руках. Иван долго и безучастно рассматривал рассыпавшиеся по земле спички, как будто всё происходящее происходило не с ним, а с героем давно надоевшего фильма, который нужно было досмотреть лишь для того, чтобы узнать концовку. Затем медленно снял кепку и вытащил из-за её отворота свёрток в целлофановом пакете, развернул его, потрянул рукой и улыбнулся, продолжая ударять ей о другую руку – коробок выдал незамысловатый ритм сухих спичек:

– Спасибо, отец. Пригодилось.

Медленно засыпая, остров купался в вечерних сумерках. Всё вокруг готовилось к очередному сну, лишь языки пламени отплясывали свой вечно-молодой танец жизни, отклонялись, игриво касаясь человеческих ног, и вновь устремлялись ввысь. Вокруг костра парила одежда, заботливо развешанная на палки, которые, в свою очередь, лежали на воткнутых в землю рога-тинах. Голый человек лежал на спине, закинув ноги на одну из таких перекладин. Истома обручем сковывала уставшее истощённое тело. Сил почти не осталось, их хватало лишь на то, чтобы приподнять опускающиеся веки и взглянуть на животворящий огонь. Искры прыгали и резвились в расширенных зрачках лежащего. Веки опустились... Поднялись... Искры играют, дурачатся, огонь лижет голые пятки. Опустились... Всё вокруг охватила дремота. Никаких сновидений. Ничего. Провал...

Иван открыл глаза – темноты больше не было, как будто ночь вообще прошла стороной или просто приснилась в короткой дрёме. Будто он только на миг прикрыл и тут же открыл глаза, а ночь уже пропала. Тьма рассеялась, а усталость осталась. Огромным усилием воли Иван заставил себя одеться и некоторое время стоял на месте, глядя в никуда абсолютно пустым взглядом. Лицо лишённого эмоций человека ничего не выражало и никуда не стремилось, но его качнуло в сторону, Иван сделал шаг, чтобы не упасть, и побежал. То проваливаясь, то поднимаясь, он прыгал по кочкам, полз и бежал, бежал, куда глядели глаза – бежал в пустоту.

Выход

Пустынный пляж огромного озера или водохранилища, возможно, даже моря, раз берегов не было видно, омывался нежными ласками волн. Две молодые семейные пары целеустремлённо шагали по пустынному берегу. Ребятишки постарше весело бежали по кромке воды, маленькую девочку отец нёс на руках.

Одна из женщин была не в духе:

– Ну и куда вы нас завели? Обратного ещё столько же идти!

– Зато здесь нет никого, посидим спокойно, да, малышня? – мужчина взглянул на сына с приятелем.

Мальчик рассердился:

– Мы не малышня!

Женщина недовольно прикрикнула на мужа:

– Да когда уже придём-то? Сил нет никаких!

– А давайте вон там и устроимся? – второй мужчина указал рукой на выступающий далеко в воду песчаный мыс.

– Ну, наконец-то! – выдохнули женщины хором и засмеялись своей синхронности, вместе со смехом прогоняя плохое настроение.

– Ура! – громко завизжали дети и побежали вперёд.

... Тем временем Иван прошёл топь, выбрался в сухой пролесок и тупо шагал вперёд, не замечая и не отворачиваясь от стегающих лицо веток. Его больше ничего не трогало и не интересовало. Если это и был обязательный к просмотру фильм, то совсем неинтересный, концовка которого была ему абсолютно безразлична. Иван наклонился, выдернул из ступни обломок сучковатой ветки и продолжил идти, бежать и ползти вперёд. В его голове поселилась и жила своей отдельной жизнью только одна простая мысль: «Интересно, а кто привозит зерно курам на дачу, и кормят ли их вообще?» Эта мысль вертелась и крутилась в голове, не останавливаясь, но и не цепляясь ни за что – ей не за что было там зацепиться.

Вдруг сзади раздался пронзительный крик петуха. Обернувшись, Иван увидел, что его догоняют две курицы с петухом, гордо стоящим на их крепких спинах. Уперев крылья в бока, петух орал что есть мочи.

– Хрен тебе! – огрызнулся Иван и побежал вперёд, то и дело оглядываясь на догоняющих кур.

Быстро выбившись из сил, Иван упал на землю и полз, пока сверху не раздался незнакомый голос:

– Извините, сэр, а где тут у вас магазин? Хотелось бы пивком запастись.

Прямо перед Иваном стоял мужчина в чёрном смокинге без нижней части туловища. То есть он не совсем стоял, а скорее висел в воздухе.

– Так что, молодой человек, соизволите мне ответить, или Вы в гляделки глядеть намерены? – настойчиво повторила половина вежливого мужчины.

– Извините, я пива не пью, – Иван попытался подняться. – А вторую половину себя Вы не на болоте потеряли?

Тут же из-за кустов показались две большие лягушки в человеческий рост и в белых платьях. Одна из дам бережно держала подмышкой нижнюю часть вежливого мужчины:

– Да что с ним говорить, сразу видно – козёл! Пошли, Витя! – презрительно фыркнув напоследок, они увлекли верхнюю половину туловища за собой.

– Пардон*с, до свиданья*с, – прозвучал голос вежливого мужчины, и всё стихло.

Одиноким лесом тысячами теней играл в свои вечные странные игры, оставшись с глазу на глаз с заплутавшим путником. Иван посмотрел по сторонам и неуклюже побежал дальше.

...Берег огромного озера дышал полной грудью, выдыхая свежесть лёгкого бриза на своих разомлевших гостей. Двое мальчиков лепили башню из сырого песка. Малышка девочка, едва начавшая говорить, неуверенно пинала надувной мячик. Их мамы, мокрые после купания, расслабленно лежали на полотенцах и загорали, тем временем мужчины с наслаждением пили холодное пиво. Один из них отхлебнул из пластикового стакана и крикнул от удовольствия:

– Зацени сумку-термос! Холодненькое, будто только из холодильника!

– Да, вообще красотища! – вторил второй. – Одни. Природа вокруг, а там бы жопами о соседей тёрлись!

Первый перешёл на шёпот:

– Я бы лучше о соседок потёрся!

Загорелая женщина перевернулась на спину:

– Я тебе потрусь! Так потрусь – тереться нечем будет!

– Да пусть хоть помечтают, теруны, бедненькие. Фантазёры! – засмеялась подруга.

Первый мужик:

– Сейчас вот возьмём и ототрём вас как следует! Думаете, зачем мы так далеко забрались?

– Ой, мечтатели... – загорелая кокетливо закатила глаза.

Маленькая девочка побежала за мячиком, упала и села на песок:

– Дядя.

Вторая женщина:

– Лучше бы массаж реальный нам сделали, чем мечтать. А слабо, что ли?

Первая:

– Как массаж, так не допроситься у них, а как...

– Дядя, – девочка вытянула ручки вперёд.

Не снижая и не увеличивая темп, оборванный человек пересёк узкую полоску песка, отделяющую лесной мир, в котором он жил последние две недели, от бескрайнего мира воды. Прозрачные брызги, будто испугавшись грубых шагов незнакомца, разлетелись в разные стороны, тело качнулось, плашмя упало в воду и замерло.

Перед открытыми глазами Ивана мутная игра света и тени постепенно превращалась в лихо закрученную драму, смысл которой был неподвластен восприятию. Ломающаяся картинка преобразовалась в разноцветные ленты, которые догоняли друг дружку и, цепляя за хвост, закручивались в одну сторону. Их становилось больше и больше, и крутились они всё быстрее, завораживая сверкающим калейдоскопом красок. Иван испытал несравнимое ни с чем блаженство, отдался ему и поплыл в нём и с ним к сияющему свету, ворвался в этот свет и тут же был втянут в другую крутящуюся воронку. Он ощущал, как доброта и тепло, проникнув в каждую клеточку, соединяют его со всем огромным и приветливым миром. Иван легко вылетел из очередной воронки и тут же вкрутился в начало следующей, где с каждой новой спиралью радости и понимания происходящего становилось больше. Во время полёта на радужных крутящихся лентах появлялись счастливые родные лица из давних полузабытых снов, Иван видел их, говорил, пел вместе с ними.

В очередной раз, вырвавшись к Свету, он увидел знакомый горбатый мостик и родных, машущих ему руками. В другой воронке вся жизнь в обратном порядке промелькнула перед глазами, от сей минуты и до самого рождения. В следующей – Иван смотрел на всю свою жизнь одновременно, как будто тысячи мониторов включились в его сознании. Он увидел её так глубоко, что осознал все ошибки – не понять их было невозможно – все плохие поступки высветились чёрными пятнами на каждом экране, на каждом жизненном отрезке. В какое-то мгновение Ивану стало стыдно, но забота родных сделала своё дело. Теперь он ощущал эйфорию от полёта, от увиденной бесконечно огромной жизни, о существовании которой он раньше лишь смутно догадывался. Иван мягко опустился на полянку, подхватил сына на руки и закружился с ним, не сдерживая радостных слёз. Все приветствовали Ивана, поздравляли с возвращением,

что-то рассказывали ему. Белые точки-мотыльки замелькали перед глазами, и голова пошла кругом. Иван покачнулся не в силах больше удержать равновесие. Ласковый и твёрдый голос заставил окружающих смолкнуть:

– Хватит, хватит – успеете ещё наговориться! Времени здесь не существует, но Всему Своё Время! – окружающие засмеялись шутке, а материализовавшийся голос продолжил, – себя вспомните. Хотите, чтобы у него голова кругом пошла? И так путь был не из лёгких.

Каким-то образом Иван понял, что перед ним Учитель, его ангел-хранитель, который всю жизнь был рядом с ним. Рядом стоял второй человек с раскрытыми для объятий руками. Иван принял эти объятия и заплакал от светлой радости...

Отдыхающие вскочили со своих мест и какое-то время молча смотрели на медленно покачивающееся в воде тело. Наконец осознав происходящее, мужчины бросились к пострадавшему и вытащили его на берег. Худой человек был мёртв по всем признакам: дыхание и пульс отсутствовали, полуприкрытые глаза, подёрнутые мертвенной плёнкой, утратили способность видеть.

– «Скорую» быстро вызывайте! – мужик упорно делал искусственное дыхание и массаж сердца.

– Куда вызывать-то? – голос женщины предательски дрожал вместе с зажатым в руке телефоном.

– К маме своей вызывай! На пляж, конечно! Донесём!

Мужчины продолжали попытки реанимации, матери отвели плачущих детей в сторону.

– Да, да, этот пляж и есть... Да не знаю я, может, захлебнулся или чего... Да я не знаю... Приезжайте быстрее, пожалуйста! Не знаю... – Женщина выключила телефон и повернулась к подруге, – слушай, а ты новости местные смотрела? Позавчера вроде таксиста показывали, который пропавшего мужика до леса подвозил, место показывал? Ну, того, который пропал?

– Так ты думаешь, что это он, что ли?

– Так я и не знаю, может, и он... Там во всех соцсетях искали, потом, после передачи, добровольцы с машинами туда искать ломанулись... Не знаю...

Лодочка

То ли Иван моргнул, то ли задумался о чём-то и не заметил, как исчезла полянка, а сам он оказался в огромном зале со стеклянной крышей и земляным полом. Утоптанная земля чередовалась с островками мягкой травы. На одном из них сидел Петя и что-то строгал ножом.

Иван наклонился к сыну:

– Петя, это лодочка у тебя?

– Да. Лодочка.

– Дай-ка посмотреть, – Иван повертел изделие в руках, – давай я исправлю немного. Это у тебя нос или корма будет?

– Нос.

– Ой, точно! Я чуть не испортил, у тебя и так классно получается, – отец протянул лодочку сыну.

Снова, без всякого перехода, Иван ощутил себя в группе мирно беседующих людей. Стола не было, но у всех в руках были разнообразные вкусности. Сок спелых, сочащихся фруктов капал вниз и питал собой землю, на которой, поджав под себя ноги, сидел Петя и с упоением вырисовывал свою картину. Он аккуратно двигал раскрытыми ладонями над поверхностью земли, и на ней появлялись объёмные изображения определённых мест. «Интересно, это три дороги пересекаются в центре или шесть дорог расходятся от такого замысловатого перекрёстка?» – подумал Иван.

– А какая разница, папа?

Выверенные движения Петиних рук проявляли реки, возвышали горы.

С каждым пассом карта оживала и преображалась во всех местах одновременно. Боковым зрением Иван увидел, что все окружающие с интересом наблюдали за возникающим на их глазах чудом.

Иван присел на корточки и увидел почти готовую карту, на которой Петя вырисовывал мельчайшие детали с постройками, животными и людьми:

– Сынок, это у тебя вид сверху, что ли?

Петя кивнул головой, продолжая сосредоточенно работать. Только Иван отвлекся на прекрасные голубые озёра, на луга ярко-зелёного цвета, как в центре начала образовываться большая пробка из машин и людей – авария. Всё это было настолько объёмным, красочным и реалистичным, что дух захватывало. Кто-то из обступивших людей восторженно произнёс:

– Да, Петя, из тебя хороший Творец получается!

Присутствующие плотным кольцом окружили картину, звучали аплодисменты:

– Художник! Настоящий художник!

Поднявшись с земли, Петя взял отца за руку и увлёк к своему творению:

– Папа, пойдём!

Они вошли в ручей с прозрачной водой, запустили лодочку, а сами легли на живот и, отталкиваясь руками от дна, поплыли за своим корабликом. Под руками чистый песок перемежывался с мелкой галькой, прохлада воды помогала безграничному счастью полностью овладеть Иваном. Вдруг он увидел, что три других кораблика, каждый раза в два больше Петиного, быстро приближаются к ним сзади. Ветер играючи наполнял их паруса сказочной силой.

Иван занервничал:

– Смотри, они нас обгоняют! Петя, давай к нашей мачте тоже паруса приделаем!

Петя мягко улыбнулся:

– Нет, папа, не нужно. Так хорошо. Гребём потихонечку.

Иван оттолкнулся руками от большого и гладкого камня, уютно лежащего на дне, наверное, целую вечность, а то и поболее, позавидовал его счастливой судьбе и подумал: «А почему

здесь живности никакой нет? Хоть бы одного краба поймать или ракушек каких-никаких найти». Иван пристальнее всмотрелся в воду – ничего. По берегам красивого стерильного ручья тоже никаких изменений не наблюдалось, но постепенно, то тут, то там, начали попадаться клешни крабов, части от рыб и мелких животных. На высоком уступе сидела ошипанная курица, каких продают в продуктовых магазинах, с надетой на голову головой небольшого крокодила. «Что за люди здесь? – подумал Иван. – Зачем так над животными издеваться?»

Ручей становился всё меньше и мельче, пока не исчез совсем, но отец и сын продолжали плыть.

Наконец Петя нарушил молчание:

– Вот, папа, ты удивляешься многим вещам, а тебе не удивительно, что вода давно кончилась, а мы всё плывём за нашим корабликом? А ещё ты хотел поймать краба – посмотри, сколько их вокруг!

Действительно, продолжая грести руками, Иван не увидел под собой воды, зато песок просто кишел крабами разных форм и размеров, хотя секунду назад (Иван мог поклясться в этом) никаких крабов здесь не наблюдалось.

Петя улыбнулся, посмотрев на растерянного отца:

– Здесь ты можешь придумывать, строить и изменять свой собственный мир так, как пожелаешь.

– Как это?

– В своё время тебе об этом расскажут.

– В какое время? Кто расскажет? – Иван растерянно продолжал «плыть» вперёд.

Петя:

– Учителя, Ангелы, Гиды, Проводники... У них много имён, но суть одна – они на ступеньку выше нас и знают намного больше.

Иван сделал сильный гребок воздуха и, перевернувшись на спину, заскользил над поверхностью:

– А сколько всего ступенек? Какие ступеньки, Петя? – Иван задрожал всем телом, заметив, что со всех сторон к ним быстро приближается темнота. – Я, кажется, вообще сейчас ничего не понимаю, но мне становится страшно как-то внутри. Я боюсь чего-то...

Последним, что Иван увидел в кромешной тьме, был светящийся голос сына:

– Не бойся, пап, в своё время узнаем. Мы не Боги, мы только учимся...

Реанимация

Полная темнота и монотонный звук падающих в воду капель действовали завораживающе: «кап»... «кап»... Звук нарастал, и темнота дрожала, становясь неустойчивой и зыбкой по углам. Она уступала место мутной рвотной серости. Через отступающую пелену вырисовывались огромные капли, которые с нестерпимым грохотом разбивались о плотную водяную плёнку: кап... кап...

Брызги в виде огромной короны поднимались из воды, замирали на миг и уходили обратно в ожидании следующей капли: кап... кап... Завораживающая картинка медленно отдалась, звук капель стал тише, и в лунном свете появилась капельница, трубки которой вели к лежащему на больничной койке человеку. Серое лицо Ивана было беспристрастно, широко открытые глаза смотрели вверх, а прибор ИВЛ через отверстие в горле размеренно поднимал и опускал грудь. Казалось, что само пространство искривилось, став густым и тягучим. Очередная капля физраствора, с трудом оторвавшись от кончика трубки, медленно полетела к своим подругам, смиренно ожидающим её в прозрачной колбе капельницы, чтобы на мгновение примерить корону и подтолкнуть бывшую королеву поближе к своему единственному предназначению – к израненной вене еле живого человека. Вместе с оглушительным разрывом капли глаза Ивана закрылись. Полная темнота надёжно укрыла зачатки нечаянного чуда.

Утром Свете разрешили навестить мужа в палате интенсивной терапии.

– Терпи, терпи, Ванечка, всё будет хорошо! – жена погладила мужа по высохшей руке.

К койке подошёл врач и покачал головой:

– Не обольщайтесь, прогноз неутешительный – в любое время...

Света оборвала эскулапа на полуслове:

– Не нужно мне этого говорить, я это уже сто раз слышала! Всё будет хорошо.

Врач вскинул голову, порывисто отошёл и выругался перед тем, как хлопнуть тяжёлой дверью:

– Умные все стали! Всё сами знают!

Медсестра кивнула сменщице, бросив взгляд на Ивана:

– Утопленник утром из комы вышел.

В реанимации Иван жил... нет, не жил, скорее он обитал где-то между небом и землёй. Он видел и даже узнавал лица посетителей, но вместе с ними видел и слышал множество разных людей в других местах. Он слышал необычайно красивую музыку света, видел такую тонкую палитру красок, о которой и помыслить раньше не мог. Иван не умел различать реальности, но никакой нужды в этом не было: он спокойно общался со всеми родственниками – с живыми, с ранее ушедшими, – и его это совсем не удивляло. В это же самое время он видел людей в других палатах больницы, свою квартиру, собаку, дачу и много всего ещё. Ему казалось, что он разговаривает со всеми, и в то же время слышал, как врач говорил Свете о том, что он никогда больше не сможет говорить, а будет простым овощем. «Интересно, я буду помидором или огурцом?» – равнодушно подумал Иван и тут же забыл об этом как о чём-то незначительном и неважном. Он видел разноцветные волшебные миры, полные счастья и гармонии, видел то, что было давно, то, что было во снах, и то, чего никогда не было. А может, и было, кто его разберёт? Все мысли происходили одновременно с действиями и были неотделимы друг от друга. Сейчас Иван видел сына.

Свесив вниз ноги, они сидели на крыше высокого здания и весело болтали:

– Петя, а если я сейчас вниз прыгну, то я полечу?

– Рождённый ползать летать не сможет! – Петя важно сложил руки на груди.

– Сам ты змеёныш, смотри! – расставив руки в стороны, Иван прыгнул вниз и проделал несколько воздушных кульбитов в воздухе.

Петя завис над крутящимся отцом и засмеялся:

– А что же спрашивал тогда, неуверенный ты мой папок? Здесь можно всё, если ты этого хочешь и веришь в это!

Иван резко взмыл вверх и сорвался штопор:

– А как не верить-то, сынок? Это же самая разреальнейшая реальная реальность! Хочешь, проверим? Вот смотри, я сейчас тебя ущипну, и ты заорёшь от боли!

Петя заорал, едва отец протянул к нему руку.

Иван захлебнулся от восторга:

– Вот видишь! Я же сказал, что это реальность!

– Ну, раз так, то я на самолёте от тебя улечу! – тут же под Петей появился огромный бумажный самолётик, быстро набирающий скорость.

– Ясенько. Где мой веник? Так вот же он! – обхватив ногами веник, Иван погнался за сыном.

– Папа, смотри, у твоего веника хвост растрепался! Как же ты меня на таком драндулете догонишь?

Иван обернулся – и правда, из веника вываливались, разлетаясь по ветру, большие пучки соломы. Через мгновение веник закашлял чёрным дымом и начал стремительно терять высоту. Иван подозрительно посмотрел в лицо поравнявшегося с ним сына:

– Ах, вот ты как значит!

– Это не я. Это всё ты сам! – раскрасневшийся Петя выпустил чувства наружу и заливался искренним смехом.

– Врёшь, не обманёшь! Отключаю двигатели и спокойно планирую на заправку!

Внизу показалась заправка. Едва Иван коснулся ногами земли, как к нему подбежало странное многорукое существо в оранжевой жилетке, с каждым взмахом рук которого в воздухе появлялись маленькие облачка в виде знаков вопроса. Эти знаки дрожали, сливались, росли и пульсировали, выражая крайнее возбуждение. Наконец, всей толпой они устремились к Ивану.

Иван:

– Полный веник, пожалуйста!

Две руки работника выстрелили далеко в сторону и притянули ящик со связанными пучками травы, которые в одну секунду заполнили пустоты в хвостовом оперении летательного аппарата. Одна из рук дрогнула, родив большой вопросительный знак, другая с раскрытой ладонью зависла перед Иваном. Иван похлопал по пустым карманам и сконфуженно уставился на сына.

Петя:

– Ну, папа, у тебя разве нет ничего? Оранжевожилетчатые руколёты сладкое любят.

Тут же Иван обнаружил висящую на плече малюсенькую сумочку и достал из неё огромный торт. Торт плавно опустился на протянутую ладонь мигающего от непередаваемого счастья руколёта. Махнув всеми своими руками в воздухе, он тут же исчез вместе со своей заправкой, оставив на прощание кучку радостных смайликов. Улыбающиеся, возбуждённые, подмигивающие, они окружили Ивана и, дурачась и гримасничая, закружили его в хороводе.

– Поплясали и хватит! – Иван быстро запрыгнул на веник и взмыл вверх, оставляя за собой белый спиралевидный след из облаков.

– Эй, эй, так нечестно! – Петя засуетился у своего бумажного самолёта.

– Догоняй, сынуля! – успел крикнуть Иван, наскочил грудью на что-то твёрдое, закружился на месте и оказался в темноте...

...Несколько бесконечно длинных дней лениво проползли мимо больничной койки, не оставив ни малейшего следа. Света, по обыкновению этого времени суток, сидела на табурете возле кровати мужа:

– Ну, что, проснулся? Давай я тебе книгу почитаю. Иван округлил глаза, наигранно выпятил нижнюю губу и обнял сына: «Почему мне? Нам с Петей почитай, он же рядом сидит, думаешь, не услышит? – слегка приоткрытые губы на бесстрастном лице лежащего не пропустили ни звука. – Только интересную читай, а то обидимся и улетим от тебя на небо, да, Петя?»

Петя с грустью в голосе: «Останемся. Я люблю мамины книжки слушать».

Света невольно заплакала, открывая книгу:

– Вот так я и Петеньке книжки читала!

К кровати потихоньку подошёл дежурный врач, хороший, добрый дядька, не очерствевший от своей работы:

– Света, Вы его особо не напрягайте. По смене передали, что ночью у него остановка два раза была, еле откачали. Думали – всё...

Света кивнула, попыталась прочесть первый слог, но не смогла. Ослабевшие руки уронили книгу на дрожащие колени:

– Что же ты, Ванечка... Куда ты торопишься... Где ты сейчас?

Бледное неподвижное лицо Ивана размылось, слившись с белоснежной подушкой, то ли от слёз жены, то ли проваливаясь в другой мир.

За длинным, грубо сколоченным из нестроганных досок столом пируют родные Ивану люди, а из-под стола то и дело раздаётся весёлый смех – там детишки устроили свой собственный праздник. Иван обвёл взглядом присутствующих и поймал себя на мысли, что кого-то из них он сам хоронил, а некоторые и сейчас живы, как и его родители, что сидят рядом с ним. Иван видел, как утром они приходили в больницу, но, несмотря на все уговоры, их не пустили в реанимацию, а теперь они сидели рядом со своими родителями, с родителями своих родителей, с ним самим и Петей. Всё было хорошо до тех пор, пока Иван не засомневался в реальности происходящего. Только он подумал, что всё это выглядит довольно странно, как стол со всеми родными поднялся вверх и поплыл далеко вперёд, а на его месте показалось бледное лицо жены:

– Ваня, ты меня слышишь? Если слышишь, моргни один раз!

Иван моргнул. Света поправила под собой табурет:

– Так, если ты меня понимаешь, моргни два раза! – Иван зачем-то моргнул три раза.

Света улыбнулась:

– Хорошо! Помнишь, как мы с Петрушей разговаривали? Попробуй так же: если «да» – моргни один раз, если «нет» – два раза!

Иван моргнул. Света засмеялась:

– Молодец, получается! Ты меня слышишь? – Иван снова моргнул. – Молодец! Ты хочешь кушать? – Иван моргнул три раза, и лицо его задрожало, как будто он силился что-то сказать.

Света:

– Ты сказать что-то хочешь?

Иван моргнул один раз.

Света приблизила лицо, пытаясь расслышать. Иван раскрыл непослушные губы и едва слышно произнёс:

– Дывая.

Света:

– Что-что? Я не поняла!

Иван:

– Дывая...

Света:

– Два? – Света показала два пальца, и Иван моргнул. – Что два?

Иван тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Света:

– Ну, поспи, поспи, устал совсем...

Неожиданно Иван пробормотал:

– Два я моргнул! – широко округлил глаза, опасаясь, что его не слышно.

Света засмеялась и вытерла наворачившиеся слёзы:

– Ты говоришь, что два раза моргнул?

Иван моргнул.

Света:

– Это что кушать не хочешь или что хочешь?

Иван моргнул один раз и тут же ещё три раза. Замычал, покачал головой и уснул...

Очередная ночь в палате реанимации. Иван в сознании. Он давно не видел сына, но продолжал ощущать его присутствие и раз за разом проигрывал в голове счастливые моменты, проведённые вместе с ним. Иван лежал и улыбался своим светлым чувствам и мечтам о неминуемой встрече с сыном. Он уже знал наверняка, что так и будет, и очень скоро, как вдруг увидел прямо перед собой силуэт пожилой женщины, которую привезли накануне. Силуэт двигался и мерцал неясным синеватым оттенком, в то же время тело женщины неподвижно лежало на своей койке. Подключённые к её телу приборы громко пищали, взывая о помощи.

Наконец из-за дверей показалась заспанная санитарка, но, как оказалось, лишь для того, чтобы отключить звук и уйти обратно. Иван забеспокоился и попытался позвать на помощь, но у него ничего не вышло. Лицо призрачной женщины осветилось доброй улыбкой, от которой в палате стало светло, как днём. Одновременно, сразу со всех сторон, прозвучал тихий голос старушки, он как будто обволакивал Ивана уверенностью и спокойствием: «Не беспокойся, сынок, ничего страшного со мной не случится. Уже всё хорошо».

Силуэт пожилой женщины проплыл по комнате и медленно вкрутился в больничный потолок. Иван последовал за старушкой, которая уже не казалась старой, и очутился на залитой солнцем лужайке. Со стороны он увидел себя и сына, катающихся в высокой траве. Как всегда, оставшись друг с другом наедине, эти двое смеялись и дурачились. Иван улыбнулся, расслабился и отдался покою...

Утром следующего дня Светлану не пустили в реанимацию.

– Как же так? Мы вчера с доктором договаривались на раннее посещение, – Света явно нервничала, – что-нибудь случилось?

Медсестра внимательно рассматривала свои ногти:

– Сказали Вам подождать.

– Так случилось что-то? – Светин голос дрожал, ощущая тревожные удары сердца.

– Сказали подождать, – подув на пальцы, медсестра скрылась за дверью.

Свету уже трясло. Впустив в себя каплю сомнения, она возвела его в ранг убеждения и уже всю рисовала мрачные картины грядущих известий. Жажда побыстрее узнать правду и опасаясь страшных известий, она осторожно ходила по коридору.

К дверям реанимации с грохотом подвезли пустую каталку. Одна из медсестёр привычно, несколько раз с небольшими интервалами, нажала на звонок, продолжая незаконченную беседу:

– Мой-то жрёт и жрёт – глотка лужёная! В субботу у Вальки на именинах так упился, что обоссался с головы до пят.

– На то они и мужики, чтобы бухать да баб трахать! – поддержала её товарка.

Через минуту каталка исчезла за дверями, и Света, борясь с негнушимися коленями, опустила на лавку. Вскоре подошёл дежурный врач, но, бросив беглый взгляд на подскочившую Светлану, молча прошёл в реанимацию. Прошло ещё несколько томительных минут ожидания, наконец двери открылись, и медсестры выкатили каталку с покрытым простынёй телом человека. «Зачем ногами вперёд-то вывезли?!» – мелькнуло у Светы в голове, и тут же она

с перекорёженным от страха лицом схватилась за борт кушетки, слушая, как женщины ведут свой бесконечный и важный разговор:

– Ну, а картошка у тебя как? У меня фитофтора всё пожрала – наполовину чёрная стоит!

– Нет, тьфу, тьфу. У нас вроде справная, – работница повернулась к Свете, – это не Ваш, не плачьте! – А вот в прошлом году рано ботва сдохла, один горох собирали...

Растерянная Светлана осталась в опустевшем коридоре. Радости не было. Не было облегчения, как не было и боли – была полная пустота и отрешённость на фоне громящей по грубому цементному полу тележки...

Мальчик Коля

Обыкновенная небогато обставленная квартира, каких уйма в средней полосе России. Подросток Коля уже несколько дней упрашивал свою маму сходить в школу и записаться на поездку по Золотому Кольцу России. Вот и сегодня он стоял перед ней, виноватый, с опущенными вниз руками:

– Мама, давай съездим, пожалуйста. Завтра последний день заявления принимают... Я очень хочу посмотреть другие города, а в поездку только с родителями записывают.

Мать, почти не слушая:

– Зачем с родителями?

– Программа «Моя семья». Одним нельзя ехать, – Коля нервно тербил пальцы рук за своей спиной.

Мать покрасила губы, промокнула их одну о другую, вытянула к зеркалу:

– Придумают же – «Семья»! Какая такая у нас семья? Как отца твоего схоронили, царство ему небесное, так ты мне всю жизнь поломал... испоганил! Семья...

– Ну, мам... Я же тебя редко о чём-то прошу... – жалобно протянул Коля, – давай съездим, пожалуйста, и...

Мать перебила:

– Ну и не проси. И не «мамкай»! Пока молода да красива была, ты всё время под ногами мешался. Прямо прицеп. Балласт какой-то, и не сбросить, и не продать..., мам!

В больших глазах Коли дрогнули крупные слёзы:

– Что же я тебе сделал такого, что ты меня так ненавидишь?

Мать достала бутылку из холодильника, налила рюмку, опрокинула её в рот и зажмурилась:

– Для храбрости! Ух, где мои годы молодые?! Да ничегошеньки ты мне, Коленька, не сделал. Совсем ничегошеньки! Это папаня твой заделал тебя, да кони двинул! Молодец какой – настоящий полковник! – поправила причёску перед зеркалом и накинула куртку на плечи. – В общем, некогда мне с тобой тут ляды разводить. Приду поздно. Если повезёт, то не одна! – хохоча, мать протопала каблуками на кухню, выпила ещё рюмку и хлопнула входной дверью.

Сгорбившись, обняв голову руками, Коля сидел на полу и тихонько плакал.

...Больничная палата. Иван полулежит на кровати и ест с придвижного столика. Рядышком сидит Света:

– Ну, вот и хорошо, а то пугали, что ты никогда есть сам не будешь, и говорить... Ну, как про Петю нам всегда говорили...

Иван молча кивнул головой и, увидев входящего в палату лечащего врача, отложил ложку в сторону. Бегло осмотрев постельцев, врач остановил взгляд на Свете и поздоровался в ответ на приветствие:

– Здравствуйте, здравствуйте! Давайте начнём с вас, пока вы оба здесь, – доктор присел на табурет и долго перебирал бумаги, что-то бормоча и выкрикивая, потом свернул их в рулон и постучал себе по коленке. – Ну, Иван, как чувствуешь себя?

– Нормально.

Доктор:

– Нормально... Нормально... Да нет. Не нормально, а хорошо, я бы сказал. Все анализы в норме, пневмония стороной прошла. Сколько Вы уже в общей палате?

Света:

– Сегодня ровно неделя.

– Неделя... Ровно неделя... Домой-то хочешь? – доктор как будто силился решить непосильную задачу, вытягивая слова из своего словарного запаса, которого на всех может и не хватить.

Иван:

– Да, пора бы...

Доктор как будто думал о том, как прокормить голодающую часть беднейшего населения Африки, или как лучше провести операцию на голени вымершему мастодонту, но Иван уже знал, что не стоит обращать на это внимания и волноваться о будущем. Это просто такая забавная манера общения доктора – глубокомысленно повторять последние услышанные слова и фразы. Иван хорошо знал, что сейчас скажет врач.

– Да, пора бы, пора бы, – доктор продолжал постукивать историей болезни о колено, – пора пора-рам, пора по пабам, – и, как будто резко очнувшись, – вот значит что! Давайте мы завтра с Вами повторим КТ и ЭЭГ, посмотрим результаты и, если они удовлетворительные, а я думаю, что так оно и есть... – доктор прервался, повернувшись к Свете, – Вы видите положительную динамику?

Света быстро закивала головой, желая поскорее закрепить положительную динамику:

– Да, Анатолий Степанович, конечно, вижу: день и ночь.

Доктор:

– День и ночь... День и ночь... Ну и хорошо, тогда денька через три будем домой выпи-сывать, на амбулаторное, так сказать, лечение, хватит здесь валяться. Готовы к выписке?

Иван безразлично:

– Всегда готовы.

– Всегда готовы... – подхватил доктор.

Света радостно:

– Конечно, готовы! Спасибо Вам, Анатолий Степанович!

– Спасибо, Анатолий Степанович! – доктор развернул документы и подошёл к соседней кровати. – Ну, Юрий Фёдорович, как ваше НИЧЕГО?

Дед свесил сухие ноги с кровати:

– Ничего.

Доктор:

– Ничего... Вот и ничего, раз ничего...

...День от души нагулялся, и поздний вечер, повинувшись суточному ритуалу, накрыл засыпающий город. Громко хлопнула входная дверь, Коля выключил телевизор и укутался поглубже в одеяло. Пьяный смех и возня переместились из коридора в кухню, теперь звуки продолжающейся попойки доносились через тонкую самодельную перегородку. Наконец дверь в комнату распахнулась, и пьяная мать уставилась на сына:

– Колька! Чёрт ты окаянный! Ну-ка, хватай раскладушку и марш на кухню!

Коля притворился спящим.

– Ну, чего? Ты меня слышал, выгребайся отсюда! – мать сильно качнуло к центру комнаты. Теперь она стояла, уперев руки в бока, и пыталась сфокусировать ненавидящий пьяный глаз на расплывающейся постели. – Ну!

Сзади её обнял и заслонявил здоровенный мужик.

Коля:

– Я уже сплю.

Мужик, неожиданно рассвирепев, отпихнул женщину в сторону:

– Ты чего, сопляк, мать не слышал? Быстро хватай манатки и вали отсюда, пока пендюлей не навешал!

– Ах, какой ты у меня грозный попался, прямо рыцарь! – мать пьяно захохотала, повесилась мужику на шею и потащила на кровать, – портки скидай быстрее, я вся твоя! Я вся горю! Темнота укрыла собой всё хорошее и всё плохое, весь этот странный и чудный мир...

...Больница, где Иван долёживал последние дни, располагалась недалеко от Колиного дома. Сегодня она, как всегда, привычно и равнодушно смотрела своими жёлтыми окнами казённых палат в наступившие сумерки. Ничего хорошего и ничего плохого не произошло в её стенах: кто-то выписался, кто-то умер, кто-то лёг на плановую операцию – всё, как всегда. Очередной день подходил к концу вечерним обходом, и завтра обязательно начнётся следующий.

Дежурный доктор померял давление старику и подошёл к Ивану:

– Не спится? Всё, предпоследняя ночь сегодня – в понедельник домой, не увидимся. Жена за тобой приедет?

Иван кивнул:

– Да.

– Счастливо тогда. Сразу в поликлинику сходи – не затягивай, направление у заведующим не забудь взять. В лесу больше не блудись, не надо... всякое в жизни бывает. Держитесь с супругой друг за друга, удачи! – доктор протянул на прощание руку и закрыл за собой дверь.

Иван развернулся к окну и, облокотившись на подоконник, уставился в темноту больничного двора.

– Что, прыгнуть охота? – вечно кашляющий сосед-алкоголик захлебнулся мокрым смехом.

– Молчи, идиот! – одёрнул его сосед справа.

– А что я сказал? Я ничего, – откашлявшись, алкаш натужно засмеялся. – Может, он мне за синькой сгонять хочет?

...Колина квартира купалась в лучах счастливого солнца, которое, пробившись сквозь плотную завесу завистливых облаков, решило побаловать и прогреть человеческие души последним теплом уходящего года. Вокруг накрытого стола суетилась и хлопотала мать:

– Радость-то какая, Колька! Отец из поездки вернулся, денежку нам, дуракам, привёз!

Из ванной комнаты вышел щуплый мужичок в одном полотенце на бёдрах:

– Мы, дальнубои, такие!

Отвернувшись, Коля облокотился на стену:

– Не отец он мне.

– Цыц, малявка, пока я добрый, возьми вон подарок на столе, – мужичок подозрительно огляделся, – слышь, Ирка, где штаны-то мои домашние?!

Мать протянула сыну шоколадку:

– Держи, пока отец добрый! – и игриво повернулась к мужичку. – Всё постирано и поглажено, тебя дожидается! Мог бы сообщить, что приезжаешь, а то пропал на месяц, и ни слуху ни духу никакого!

Мужичок:

– А с чего сообщать? Я, может, проверял тебя. Думал, вот приеду, а ты тут с мужиком кувыркаешься, а я и пристукну обоих!

– Да нужны мне твои мужики! Одни хлопоты с ними. Я же только тебя, дурака, люблю! – мать облизала губы, повела бёдрами, подошла к мужику и залезла рукой под полотенце, – сейчас Колька гулять пойдёт, я те покажу, как ждала, – пощады запросишь!

Слышь, Коль? Иди, погуляй, отцу отдохнуть надо!

Коля положил шоколадку на стол и прошёл в коридор:

– Не отец он мне!

Мать:

– Поговори ещё у меня! Ремня давно не получал?

Коля хлопнул входной дверью.

– Совсем оболтус страх потерял! – мужичок смачно сплюнул в угол. – Ну, Ирка-дырка, показывай фокусы! Удиви дальнобоя талантами!

Мать медленно расстегнула халат и стянула с мужичка мокрое полотенце:

– А что, думаешь, и удивить нечем? И удивлю!

...Стрелки на больничных часах показали одиннадцать часов воскресного вечера. Завтра Ивану предстоял безрадостный путь домой, где раньше его всегда ждал сын, а теперь каждая клеточка мозга посылала сигналы боли израненному сердцу, напоминая хозяину о том, что Пети там нет и уже никогда не будет. Иван достал из тумбочки пакет с кроссовками, положил туда свитер и направился к дверям палаты.

Дед с соседней кровати приподнялся на локоть:

– Ванёк, никак в самоволку собрался? У тебя же дембель завтра.

Иван:

– Да. Воздухом подышу напоследок.

Дед усмехнулся:

– Напоследок, Вань, не надышишься!

Иван не поддержал шутку:

– Я попробую. Через часик вернусь.

Осторожно шагнул в коридор, спустился в приёмный покой, быстро обулся в тёмном углу и, никем не замеченный, вышел на улицу.

– Эй, утопленник, далеко собрался? – у тёмной стены стоял охранник с дымящейся сигаретой.

Иван:

– Воздухом подышу.

Охранник метко метнул бычок в урну и взялся за дверную ручку:

– Я тебя не видел!

– Меня никто не видел, – тихо пробормотал Иван и наполнил лёгкие свежим дыханием золотой осени.

Проказник-ветер, озорничая, поиграл опавшей листвой у ног одинокого человека и поднялся к самым макушкам деревьев, туда, где раскачивался тусклый фонарь, устало освещавший ветку огромного дерева с чудом задержавшимися на ней листочками. Иван проследил ещё выше, до самого небосвода, где в глубокой черноте ночи ярко горели вечные звёзды.

– Петя, сынок, я хочу к тебе, родной мой... Почему всё так сложно?

Жёлтый кленовый листочек дрогнул в вышине и, оставшись без материнской опоры, мягко лёг в подставленную руку. Иван слегка покачнулся от обилия кислорода, который, проникнув в кровь, взорвался в голове цветными картинками, прикрыл глаза, аккуратно убрал листик под свитер, поближе к сердцу, и медленно побрёл к выходу из больничного городка.

...Вместе с природой засыпал и двор Коли. Обняв ноги руками, мальчик сидел на скамейке и смотрел на такие прекрасные и далёкие звёзды. Он был далеко отсюда, далеко от горя и от всех проблем, так рано свалившихся на его голову. Коля ни о чём не думал и ничего не решал – ему было «безмятежно», но вдруг он вздрогнул: громыхнув мусорным ведром о дверную коробку, из подъезда вышла соседка.

– Замёрз, поди, Колька? – соседка кивком указала в сторону старенького «мерседеса», – этот, что ли, опять нарисовался?

Коля утвердительно кивнул.

Соседка:

– А я-то думаю, кто там у неё? Нажрались и орут на весь подъезд! Поубивают друг дружку!

Коля стремительно вскочил на ноги и побежал к подъезду.

– Куда ж ты, Колян, на рожон-то лезешь! – крикнула вслед сердобольная соседка, но Коля уже бежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Громкий мат и звуки борьбы усилились, как только Коля распахнул дверь квартиры. Мужичок методично и зло избивал мать.

– Ну, что? Погуляла без меня, шалава крашенная? – звонкая оплеуха оглушила лежащую на полу мать, – до магазина нельзя дойти, как все новости сообщают, лядина ты такая!

Мужичок размахнулся для следующего удара, но Коля схватил его за руку и повис на ней:

– Не трогай маманю!

Мужик с удвоенной от злобы и выпитого силой отшвырнул мальчика от себя:

– Куда лезешь, выbleядок сраный! – врезал матери по щеке и потряхнул её, как тряпичную куклу. – Нравится? А, нравится?!

Мать захлебнулась соплями:

– Ну, прости ж ты меня, прости, дуру бестолковую... Люблю же тебя... Люблю...

От чувства собственного превосходства силы мужичка удесyтерились, и он, намотав волосы на руку, потащил мать по полу.

Коля:

– Стой, гадина!

Мужик обернулся и застыл в изумлении:

– Ты чего это, Колян?

Коля выставил перед собой огромный кухонный нож:

– Мамку отпусти, гадина!

Перехватив полный решимости взгляд мальчика, мужик протрезвел на мгновение и разжал руку. Тут же мать, словно на пружинах, подскочила к сыну:

– Тише, тише, Коленька! Отдай ножик-то, милый... Не надо так играть, – размазывая кровь по лицу, протянула обе руки.

Коля, дрожа всем телом, отдал нож матери. Одно движение, и нож лязгнул о гору грязной посуды в раковине, а мать всем телом навалилась на сына и повалила его на пол:

– Ах ты, сволочь такая, за нож мне хвататься будешь! Я те все глаза повыцарапываю, паршивец ты поганый! Бей его, Лёша!

Мужик подскочил и с размаху ударил Колю ногой в живот:

– Не на того нарвался, ублюдок!

Несколько раз ударив по лицу сына, мать поднялась и присоединилась к сожителю. Теперь они вместе остервенело пинали Колю ногами, пока вконец не выдохлись. Тяжело дыша, мужик устало опустился на табурет:

– Наливай, Ирка, испортил весь праздник ублюдок твой!

– Да сил с ним уже нет никаких! Как отец его шесть лет назад дуба дал, так и мешается под ногами и день и ночь! – мать разлила водку по стопкам. – Не хнычь, сказала! Чтобы духу твоего в этом доме не было!

Избитый Коля лежал на полу и скулил. Но не от боли, нет – к ней он привык и почти ничего не чувствовал – накопившаяся обида безудержным потоком слёз катилась из глаз. Поднявшись на ноги, Коля пошёл к выходу:

– С папкой хорошо было. Он меня в девять лет на машине научил ездить. В шахматы с ним играли! В лес ходили! Вчера мне шестнадцать исполнилось, никто и не вспомнил про это... Ни одного доброго слова...

Мать, как ошпаренная, подскочила с табурета:

– Чего расхорохорился-то? А? – сделала движение в сторону сына. – Мало тебя били, что ли? Повторить?

Мужик:

– Сейчас повторим!

– С отцом тебе хорошо было? Вот и убирайся к нему! Чтоб я тебя больше не видела! Всю жизнь мне портишь, поганец! – мать кинула на пол грязное кухонное полотенце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.